

Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 83

Российская экономика: обособленность и устойчивость.

К 25-летию рыночных реформ

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий.

Российская экономика: обособленность и устойчивость.

К 25-летию рыночных реформ. Выпуск 83 — М., 2016. — 54 с.

Двадцатипятилетие реформ российской экономики. Тема заседания Никитского клуба, содержание которого представлено в данном выпуске, соответствует названию доклада О. В. Вьюгина, председателя Совета директоров «МДМ Банка», вице-президента Никитского клуба, с которым он выступил на заседании клуба. *«Я не претендую на то, чтобы каким-то образом дать комплексную оценку реформам, которые были в России. Это был некий процесс преобразований, более интенсивный в 90-е годы, более плавный в 2000-е, в нулевые годы. Оценку давать этому, наверное, пока никто не может, и я не собираюсь этого делать»*, — предупредил присутствующих Олег Вячеславович. Однако даже безоценочная констатация действий и результатов даёт основание для выводов. Вообще же *«представляется симптоматичным, что ни в обществе, ни в медийном пространстве глубоко не анализируют итоги реформ»* (Д. Курочкин).

ББК 65.9(2)-1

© Московская Биржа, 2016

© Никитский клуб, 2016

Заседание — круглый стол
Российская экономика: обособленность и устойчивость
К 25-летию рыночных реформ

9 ноября 2016 г.

Участники обсуждения:

Вьюгин Олег Вячеславович, председатель Совета директоров ПАО «МДМ-Банк», вице-президент Никитского клуба

Егерев Сергей Викторович, заведующий отделением Акустического института им. Н.Н. Андреева; генеральный директор АЦ «Ресурсы науки»

Кузнецов Олег Петрович, заведующий лабораторией ИПУ РАН, председатель Научного совета Российской ассоциации искусственного интеллекта

Курочкин Дмитрий Николаевич, вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации

Лившиц Вениамин Наумович, заведующий лабораториями СИС РАН, ЦЭМИ РАН

Макаров Валерий Леонидович, директор ЦЭМИ РАН, академик РАН

Медведев Павел Алексеевич, финансовый омбудсмен

Мясников Владимир Степанович, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, академик РАН

Николаев Игорь Алексеевич, директор Института стратегического анализа ФБК

Петров Юрий Александрович, директор Института российской истории РАН

Полтерович Виктор Меерович, заведующий лабораторией математической экономики ЦЭМИ РАН, президент Новой экономической ассоциации, академик РАН

Привалов Александр Николаевич, научный редактор журнала «Эксперт», вице-президент Никитского клуба

Прохватилев Владимир Викторович, президент «Академии реальной политики»

Соколов Александр Сергеевич, ректор Московской государственной консерватории имени П. И. Чайковского

Тосунян Гарегин Ашотович, президент Ассоциации российских банков

Устюжанина Елена Владимировна, главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН, заведующий кафедрой экономической теории РЭУ имени Г.В. Плеханова

Экштут Аркадий Семёнович, заместитель главного редактора журнала «Родина», историк, писатель

Заседание вёл **А. Н. Привалов**.

А. Н. Привалов

Добрый вечер, господа! Открываем очередное заседание Никитского клуба. Сегодня мы будем обсуждать следующую тему: «Российская экономика: обособленность и устойчивость. К 25-летию рыночных реформ». Как нетрудно заметить, тут не одна тема, а две, но они, разумеется, взаимосвязаны. И как они в своём сочетании будут сегодня рассматриваться, зависит от нашего уважаемого докладчика — Олега Вячеславовича Вьюгина, председателя совета директоров «МДМ Банка» и вице-президента нашего клуба. И зависит от тех, кто будет обсуждать его сообщение. Я полагаю, что многие из нас примут участие в этом обсуждении, потому что темы обе, на мой взгляд, достаточно важные.

Сначала о случившемся несколько дней назад формальном 25-летнем юбилее реформ. Точнее говоря, гайдаровских реформ, потому что вообще реформирование многострадальной нашей отечественной экономики началось несколько раньше. Многие из нас ещё помнят и слова «абалкинская реформа», и слова «рыжковская реформа», и слова «хозрасчёт первого рода», «хозрасчёт второго рода», и много разных других, сегодня уже почти неразличимых во тьме времён, слов. Так что всё началось раньше.

А ровно двадцать пять лет назад началось то, что называется гайдаровскими реформами. Выступил на съезде народных депутатов господин Ельцин, сказал, что всё, начинаем; нас подгоняли, чтобы мы начали быстрее, но мы медлили, потому что мы разрабатывали план, вот теперь у нас есть план, мы с этим планом начинаем действовать, ну, какое-то время будет потяжелее, но уже к концу 92-го года всё будет хорошо. Вот юбилей этого события и прошёл, надо сказать, достаточно незаметно. Я сегодня попытался поискать в Рунете следы этой даты, нашёл две какие-то мало-внятные публикации, что, конечно, для четвертьвекового юбилея такого судьбоносного события примерно то же самое, что ничего.

Тут можно утешаться известной фразой Дэн Сяопина. Говорят, в 1989 году по случаю 200-летия Французской революции к нему обратились с вопросом, что он про неё думает, и он сказал, что ещё прошло слишком мало времени, чтобы можно было судить об этом явлении. И, в общем, конечно, был прав. То есть в должной мере отстранённости о том явлении, которое называется «гайдаровская реформа», конечно, судить ещё рано. Потому что у большинства из ныне живущих (ну, кому больше 25 лет) это воспоминание достаточно болезненное.

Ну, в общем, пора бы уже начать как-то оценивать, пора бы начать понимать, в какой степени годны или не годны были средства, с которыми эта команда взялась за реформирование того, в чём они не очень разбирались, какова была цена, которая заплачена за правильные или неправильные решения, сочетание затрат и результатов. Ну, в общем, всё, что положено делать при анализе такого рода явления.

Эта работа не очень начата. То есть все эти годы были публицистические высказывания апологетов, их всегда было очень много, они всегда были примерно одинаковы. Все эти годы не прекращаясь звучали и высказывания поносителей; они тоже

А.Н. Привалов

многочисленны и тоже все одинаковые. А попыток каким-то образом попытаться найти некую взвешенную оценку — нет, или почти нет.

Сегодня этим самое время заняться, потому что экономика наша, если верить нашим экономическим властям, находится в такой ситуации, что её текущим состоянием интересоваться просто бессмысленно. Как раз освободилось время для того, чтобы позаниматься с её историей. Все вы, наверное, заметили, несколько недель назад единственный человек (по-моему, единственный, я могу ошибаться), который остался от гайдаровской команды в действующей команде — Алексей Валентинович Улюкаев, предсказал нам то ли 15, то ли 20 лет стагнации, что, в общем, конечно, есть высказывание чисто юмористическое, потому что так просто не бывает. Значит, для нашей экономики то, что предсказывал Улюкаев, — это очень вежливая и очень эвфемическая метафора кончины. Вот поэтому и образовалось время, чтобы разбираться. И мы все полагаем, что сообщением Олега Вячеславовича, которое коснётся обеих сторон заявленной темы, мы и начнём сегодня плодотворный разбор. Потому что пока не поймём, дальше точно не двинемся.

Олег Вячеславович — прошу Вас.

О. В. Вьюгин, *председатель Совета директоров ОАО «МДМ-Банк», вице-президент Никитского клуба*

Добрый вечер, уважаемые дамы и господа, члены клуба, участники заседания! Действительно, реформы начались раньше, формально по крайней мере, чем так называемые гайдаровские реформы. Если посмотреть документы, в Конституцию Советского Союза были внесены изменения, и были постановления Совета министров СССР, которые фактически разрешили в стране частную собственность на средства производства. Эти реформы не были реализованы в полной мере, потому что начался 91-й год.

Почему это важно? Потому что если одним словом назвать суть реформ 90-х годов, то это — частная собственность. Её никогда не было в Советском Союзе — на средства производства, я имею в виду. Она появилась начиная с рубежа 90-х. И это, наверное, послужило главным основанием для реформ. Всё остальное — это то, что должно было последовать за частной собственностью.

Я не претендую на то, чтобы каким-то образом дать комплексную оценку реформам, которые были в России. Это был некий процесс преобразований, более интенсивный в 90-е годы, более плавный в 2000-е, в нулевые годы. Оценку давать этому, наверное, пока никто не может, и я не собираюсь этого делать.

С другой стороны, я бы хотел немного связать это прошлое с сегодняшним настоящим. А сегодняшняя ситуация в экономике выглядит таким образом, что мы уже несколько лет ищем какое-то «дно», задаём себе вопрос, когда же, когда же опять-то всё начнётся? когда начнётся рост доходов, рост благосостояния? и мы придём туда, ради чего делали реформы и терпели эти страшные 90-е годы. Ну, кому как. Наверное, не очень приятные годы.

Сегодня мы очень много говорим об экономической самостоятельности страны, о некоей такой независимости, об умении делать всё своими руками, заявляем о нашей стране как участнике крупных внешнеполитических проектов. Хотелось бы понять, насколько всё это обоснованно, и сможет ли это помочь перезапустить экономический рост в стране? Или это больше реакция, приспособление к тому, что происходит? Вот, о чём хотелось бы поговорить в общих чертах.

Чтобы отдать должное рыночным реформам в России, которые по-настоящему действительно начались двадцать пять лет назад, — всё-таки те изменения в Конституции Советского Союза и постановления Совета министров Советского Союза были больше на бумаге, хотя они породили огромное количество кооперативов. Наверное, присутствующие здесь хорошо это помнят. Появилась возможность создавать какие-то небольшие кооперативы, которые в основном использовались для обналичивания средств и в меньшей степени — для какой-то реальной активности. Реальные реформы и реальная частная собственность стала формироваться, конечно, после 90-го года. Это связывается с именем Гайдара, потому что в тот момент он был назначен премьер-министром и был наделён полномочиями вводить эти изменения.

Невозможно, наверно, как-то рационально анализировать сам процесс

О. В. Вьюгин

приватизации 90-х, хотя на лекциях в Высшей школе экономики у меня есть такой модуль. Но я бы хотел сказать о другом — главное, ведь надо говорить о результате. Каков был результат? Самый, наверное, позитивный результат — это то, что в нулевые годы, то есть где-то на рубеже 1990–2000 гг., российская экономика вдруг ожила, и начался реальный рост, причём рост производства того, что нужно людям, что продаётся, что имеет ценность. Начался рост доходов населения. И надо сказать, что существенно выросло благосостояние людей и сократилась бедность. Хотя нельзя сказать, что это был период действительно полного расцвета и благосостояния граждан России, но всё-таки это было время большого позитива. Ситуация, на мой взгляд, была основана на двух китах, — для того чтобы перейти уже к оценке сегодняшней ситуации.

Первое — всё-таки произошло реальное юридическое оформление прав собственности на советское наследие. Советское наследие было огромным. Это заводы, земли, в какой-то степени финансовые ресурсы, квалификация рабочих, квалификация людей, как принято было говорить, умственного труда. Наследие было очень богатое, и произошло юридическое оформление частной собственности на средства производства.

Я не хочу обсуждать, справедливым ли было, как это произошло, и можно ли это было сделать по-другому. Это отдельная тема, я сейчас об этом говорить не хочу, потому что меня интересует другое.

Итак, частная собственность и завершившееся юридическое оформление собственности в целом открыли большие возможности для восстановительного роста. Просто у заводов, которыми практически никто управлял, появились собственники, которые стали пытаться что-то сделать, для того чтобы это заработало. И даже появилась возможность для модернизации. Потому что, как говорится, своё можно тоже улучшить — по такой логике.

Второй важный фактор, который обеспечивал вдруг начало экономического роста — это то, что государство как орган общественного принуждения и насилия и как регулятор в это время было крайне слабым. Я был свидетелем этого, потому что в те годы работал в правительстве. Крайне слабым в том смысле, что власть не использовала серьёзно какие-то меры принуждения, а скорее пыталась как-то договариваться. И финансовые ресурсы были слабые, и доля публичных расходов в бюджете была невелика — немного более 20 процентов — и, таким образом, не играла большой роли в экономике.

И третье — наверное, это уже не фактор, хотя это важный фактор, — когда Владимир Владимирович Путин получил возможности и статус президента, он сформулировал, на мой взгляд, очень благоприятную для инвестиционного климата программу действий в области экономики и взаимоотношений бизнеса и власти. Приведу несколько тезисов этой программы.

Первый, наверное, самый важный, озвученный как равноудалённость бизнеса и власти, поскольку были люди, которые действительно пытались использовать власть, использовать государство как орган насилия в частных интересах. Провозглашение этого тезиса имело очень большое значение. Было сказано, что бизнес — отдельно, власть — отдельно. Второй тезис — была подтверждена дальнейшая приватизация госактивов и сделан упор на развитие конкуренции. Всё это можно прочитать, если поднять старые выступления президента или найти в других документах. Третье, что было не только провозглашено, но и сделано, — налоговая реформа, и эта реформа была в тот момент эффективна. А именно было существенное упрощение налогов, существенное сокращено количество налогов. Фактически было снижено налоговое бремя. Снижено — как это было провозглашено в налоговых законах и документах; видимо, реально тоже снизилось. Вопрос был сложный, потому что налоги не платили. Не понятно, как сравнить, насколько стали больше платить или меньше, но де-факто налоговая система стала более понятной и приемлемой. Началось создание накопительной пенсионной системы.

Далее, наученные горьким опытом кризиса 98-го года президент, в первую очередь, и правительство чётко были нацелены на то, чтобы соблюдать все правила макроэкономической стабильности, то есть не пускаться в бюджетные

аферы — занимать слишком много, тратить слишком много. В общем, такая определённая финансовая скромность государства в этом смысле была тоже зафиксирована.

Наконец, было снято ограничение на движение капиталов. Идея тоже была в том, чтобы создать стимулы для притока иностранных инвестиций. И вообще, надо сказать, что где-то внутри всей этой картины была спрятана идея улучшения инвестиционного климата и привлечения инвестиций в страну от кого угодно — от российских, иностранных инвесторов, и портфельных инвестиций. Может быть, и это даже не самое главное.

Главное, наверно, в том, что начиная с нулевых, после относительного хаоса 90-х, наметился какой-то пакт или понимание принципов взаимодействия между предпринимателями и властью. По крайней мере, так казалось. В какой-то степени в обществе появилось доверие. Плюс — поскольку экономика стала раскручиваться и расти — стали расти зарплаты, причём заработная плата росла быстрее, чем экономика. На самом деле это означало, что граждане получают бенефиты, как принято говорить, от того, что происходит в экономике. Это тоже способствовало некоему доверию власти. То есть когда люди богатеют (слово «богатство» не в смысле огромного богатства, а в скромном смысле), доверия к власти больше.

К слову сказать, не могу не отреагировать на то, что говорят, будто Трамп был избран неожиданно. В социальных сетях он побеждал. А во-вторых, американские экономисты неоднократно говорили, что в Соединённых Штатах уже более двадцати с лишним лет доходы граждан не растут, заработные платы и доходы в реальном выражении не растут, а весь прирост богатства происходит в таком достаточно узком круге людей, которые как бы не шикуют — у них формируются большие инвестиционные ресурсы. И считалось, что это нормально. Но на самом деле доверие, видимо, подтачивалось. И вот эффект такого подтачивания доверия, может быть, и сработал на выборах Трампа, который, в общем, использовал достаточно популистские лозунги. Ну, это я так, немного отвлёкся.

В. М. Полтерович, *заведующий лабораторией математической экономики ЦЭМИ РАН, президент Новой экономической ассоциации, академик РАН*

Ну, медианные доходы не растут, средние-то растут.

О. В. Вьюгин

Средние растут, да. То есть смещение богатства происходило в определённом направлении.

Теперь к самому, наверно, главному и пока тоже не отвеченному. Почему же всё-таки такой вроде хороший расклад и такой рост экономики в нулевых (да, был кризис 2008–2009 гг., действительно глобальный, это не про Россию было; после этого кризиса мы восстановились), а дальше всё остановилось? Ведь надо сказать, что

В. М. Полтерович

замедление роста, а главное, практически прекращение роста инвестиций произошло ещё до шока 2014 года. Примерно со второй половины 2013 года инвестиции в основные активы расти перестали. Замедление шло весь 2012 год от квартала к кварталу.

В конце 2014 года российская экономика испытала типичный внешнеэкономический шок. Это всё уже хорошо известно. Шок платёжного баланса, резкое падение цены на нефть и, соответственно, выручки от экспорта. Санкции не позволили использовать возможности выхода на рынки, для того чтобы подзанять денег и как-то смягчить эффект этого шока. Но тем не менее этот шок просто усугубил уже начавшееся нарастание проблем российской экономики.

Вот отталкиваясь от этого шока, мне бы хотелось снять с него фактологический материал, чтобы попытаться понять внутренние тормозы развития.

Одно из главных последствий этого шока было почти двукратное падение рубля. Это невероятная девальвация, она действительно имела место в мире, в некоторых странах в кризисные периоды в Азии, например, такое наблюдали, в Индонезии был такой кризис в своё время, ну, неважно. Важно, что валюта ослабла, и относительные издержки отечественных компаний снизились, и очень существенно. Потому что

относительные — значит исчисленные в долларах, то есть в международной стоимости. К сожалению, и внутренний спрос, конечно, сократился, потому что сократились доходы населения.

Это, на самом деле, типичная ситуация для других стран, они тоже по разным причинам проходили такие периоды экономического шока.

Какие обычно механизмы перезапуска срабатывают при участии государства и в отсутствии каких-то государственных мер? Первое — очевидно, что экспорт становится гораздо выгоднее, поскольку внутренние затраты, по сравнению с конкурентами за рубежом, существенно сократились. Поэтому реакция — наращивание экспорта. Если экспорт наращивается, это даёт возможность преодолеть ограничения по внутреннему спросу и поддержать инвестиции. То есть имеет смысл делать инвестиции, чтобы продать на других рынках. Продав — получил выручку, это поддерживает спрос, и экономика таким путём начинает выходить из шока.

Второй способ уже требует участия государства. Например, если спрос провалился, есть вариант поддержать этот спрос посредством фискального стимулирования, то есть нарастить. Россия это делала в 2008–2009 гг., используя резервные фонды. Идея здесь в чём? Воздействовать на цепочку «спрос — производство — заработная плата — спрос», то есть ситуация как бы раскручивается.

Третий способ — что тоже использовали некоторые страны в таких ситуациях — это попытка провести дерегулирование предпринимательской деятельности. В чём смысл? Снизить транзакционные издержки деятельности компаний, которые проистекают из административных методов контроля, из-за коррупции, ещё из-за чего-то, и снизить барьеры входа на рынки. Какая здесь идея? Мобилизовать приток частного капитала. Если частный капитал видит, что транзакционные издержки более низкие, барьеры легче, то в конце концов всегда найдутся граждане с предпринимательской инициативой, те, кто старается как-то заработать и что-то сделать. Это бы поддержало спрос на инвестиции.

К сожалению, ни одной из этих, так сказать, автоматических и неавтоматических реакций не произошло, не были использованы эти возможности ни властями, ни бизнесом. Более того, власти почему-то выдвинули лозунг импортозамещения, то есть по сути призвали создавать то, что уже умеют и лучше делают в мире, но в рамках замкнутой российской экономики. А что это означает?

Во-первых, всё-таки конкурентные технологии требуют достаточно большого объёма рынка. Нельзя делать айфон для десяти человек — точно прогоришь. Айфон нужно делать для огромного количества потребителей. Дальше — технологии. Понятно, что в современной экономике обмен технологиями очень интенсивный, и нет смысла изобретать то, что уже где-то изобрели, лучше просто заимствовать, если есть, конечно, возможность. А как это сделать? Это целая государственная политика. Китай — яркий пример, как надо заимствовать технологии. Это особая тема, может быть, в конце я о ней скажу. Это очень интересный опыт, но, к сожалению, в России не сильно применим.

Так почему не сработали, как кажется, все эти компенсаторы экономического шока, почему экономика в результате замерла? Я попытался ответить на этот вопрос, для ясности сгруппировав весь производственный сектор, всех, кто создаёт и перераспределяет валовый внутренний продукт, по четырем категориям. Первая категория — это, конечно, публичный сектор. Публичный сектор в России рос достаточно высокими темпами и опережал рост ВВП, его доля увеличивалась. Причём в составе публичных расходов росла доля непроизводительных расходов, а именно: расходы на оборону, на силовые службы, расходы на материальное обеспечение занятых в бюджетной сфере, в секторе. И если судить по многочисленным фактам, которые попадают в публичную сферу, бюджетные средства в рамках госзаказа и в целом достаточно неэффективно используются: есть завышенные сметы, есть бесполезные траты. Ну, это целая история. В общем, есть подозрение, что средства публичного сектора не очень эффективно используются. Об этом, собственно, сами власти говорят — и правительство, и президент.

Следующий сектор — крупные государственные компании. В России они играют довольно большую роль, поскольку можно сказать, что основные вершины в экономике в России занимают крупные государственные компании или холдинги. Эти компании, конечно, активно используют либо природную, либо административную ренту, либо то и другое. Это сам бог велел делать: если компания создана на основе природной ренты, то она её и использует, для того чтобы процветать, хорошо жить и платить своим сотрудникам. Или использовать административную ренту — что тоже естественно. Потому что если компания государственная, то есть акционером является государство, то, наверное, между акционером и менеджментом должны быть какие-то конструктивные отношения.

Там, где возможно использовать ренту, конечно, сложнее реализовывать инновационные идеи, и не всегда есть возможность точно быть уверенным, что всё эффективно происходит. Тем более, если речь заходит о каких-то реформах, которые могут пошатнуть доступ таких компаний к административной или природной ренте, то есть понятно, что менеджмент таких компаний сопротивляется.

Третий сектор. Здесь получается, что эта очень мощная группа в экономике не сильно заинтересована в том, чтобы что-то менять, потому что и так всё хорошо. Сектор крупных негосударственных компаний представлен у нас в России в основном предприятиями, которые были созданы или наследованы владельцами, которых в 90-е годы называли олигархами (сейчас уже забывают такие слова), которые на сегодняшний день в какой-то степени тоже используют административную ренту. Она, правда, достаётся им «по остаточному принципу». Пример из открытых источников: когда был поставлен вопрос о приватизации «Башнефти» (я просто беру самый свежий пример), я знаю, что примерно девять гонцов от групп интересантов ходили в администрацию и пытались договориться как раз об этой административной ренте. Ну, что получилось, мы знаем: сильнейший договорился.

Получается, что у владельцев крупных компаний, которые когда-то выиграли (надо отдать должное их усилиям, таланту, энергии и т.д., и т.д.), уже сложились определённые отношения с властью, которая им, в принципе, определила в сегодняшней экономике не самое почётное место в этой иерархии. Наверху в иерархии, конечно, находятся крупные государственные компании — они так называются, но на самом деле это коммерческие компании, которые преследуют вполне конкретные цели. У них KPI, доходы зависят от результата — всё нормально, но есть административная рента. И поэтому у этих крупных российских негосударственных компаний из-за того, что они в этой иерархии находятся в таком среднем положении и из-за того, что они уже получили довольно многое (то есть это работающий бизнес, убиваться не надо), — они тоже не сильно заинтересованы, чтобы продавливать какие-то реформы, что-то менять. А при наличии обрётённого богатства и условий, в которых они сегодня существуют, им это тоже, наверно, не очень интересно.

Это моя оценка. Я понимаю, социологические опросы не проводились, а если бы проводились, то ответы не были бы получены. Хотя эффективность этих компаний, видимо, как-то приемлема. Может, не самая лучшая, но она есть, и некоторые компании активно конкурируют на внешних рынках.

И наконец, последний, четвёртый сектор — это малые и средние компании, которые представлены в основном новыми или формирующимися компаниями. Это компании тех людей, которые начали бизнес с нуля, они ничего не наследовали, просто начали создавать дело за счёт каких-то идей, возможностей. Ну, про малые предприятия мы хорошо и много знаем, их проще всего создать. Но есть и средние компании, например, с выручкой более миллиарда рублей, которые, в общем, работают в чисто рыночных условиях.

У таких компаний есть огромная воля к развитию. Их можно разделить тоже на две группы. Есть компании, у которых доступ к какой-либо ренте отсутствует — и к природной, и к административной, и скорее сам их бизнес часто оказывается объектом сбора ренты в пользу регулирующей их деятельность бюрократии или представителей силовых структур. Говорю это тоже не голословно, потому что мы слышим, что говорят власти, и даже недавно президент нашей страны сказал о возможной уголовной ответственности для представителей силовых структур, которые занимаются поборами или рэкетом (не помню дословно). Понятно, что раз такая реакция у президента — значит что-то там есть, на пустом месте это не бывает.

С другой стороны, среди средних компаний бывает бизнес, который строится на административном ресурсе. В основном это ресурс, который используется на местном уровне, то есть это то, что связано с губернаторами в наших регионах. Это, конечно, не про эффективность и не про конкурентоспособность. Это, безусловно, тоже продолжение негативной практики использования административного ресурса, только на более низком и мелком уровне.

Таким образом, смотрите, что получается. Вторая и третья группы — это крупные госкомпании и крупные негосударственные компании. У меня такое впечатление, что интерес у них к изменениям невелик, они вполне благополучно существуют в тех условиях, которые сегодня есть. У четвёртой группы, у малых и средних компаний, можно предположить, есть интерес в том, чтобы изменились условия для их деятельности, чтобы конкуренция была справедливой, чтобы люди, обладающие полномочиями, властью, не использовали её для притеснения их бизнеса и т.д. Но вес этих компаний, политический вес, конечно, незначителен и никак не представлен в нашей политической системе.

Фискальное стимулирование, о котором я говорил, ограничено ресурсами. Какой манёвр здесь мог бы быть сегодня? Больше занять. И это делали некоторые государства — больше занимали денег, для того чтобы как-то подтолкнуть, столкнуть ситуацию со стагнации. Но и занять-то не очень получается, потому что внутренние ресурсы очень ограничены. И власти хорошо понимают, что если бюджет будет слишком много занимать, то угроза 98-го года может вновь возникнуть. А потом это приводит к вытеснению частных инвестиций, потому что ресурсы отвлекаются на бюджетные цели. Внешние же сбережения не удаётся в серьёзной мере привлечь из-за санкций.

Ну, и последнее. Дерегулирование, о котором я говорил, затрагивает интересы довольно широких кругов очень влиятельных людей. Я имею в виду, не во власти стоящих, а тех, кто могут влиять на принятие решений, а это им совершенно невыгодно, по моему описанию. Поэтому, собственно говоря, и власти сталкиваются с тем, что даже если руководство хочет что-то изменить, это происходит с плечом в 10, то есть усилие на 1 килограмм приводит к 100 граммам результатов.

Во многом эти проблемы, мне кажется, и породили тезис и политику обособления. Для поддержки этого тезиса нужно было бы выйти за рамки чисто экономических вопросов, где преимущество технологической инвестиционной кооперации с развитыми странами очевидно и могло бы способствовать перезапуску после внешнеэкономического шока.

В заключение приведу недавно опубликованные данные Высшей школы экономики за период 2016–2014 гг. Будем говорить, за три года. Любопытно. По промышленности все перечисленные тезисы подтверждаются. Обработывающая промышленность сократилась на 7% — 7,2%, оптовая — на 10,2%, строительство — на 14,7%, платные услуги — на 2,4%; сырьевые отрасли выросли на 4%, а несырьевые отрасли сократились в целом на 9,3%. Таким образом, собственно говоря, экономическая динамика отражает структуру интересов.

Линия на обособление проводится и в культурных ценностях, и во взглядах на безопасность, и даже на правилах международных отношений и дипломатии, и в подходах к интерпретации истории сегодня. Это очень всё любопытно. Мы читаем, что байкер учит Райкина, как надо спектакль ставить, попы вообще закрывают спектакли, свежее испечённый депутат попросил Генпрокуратуру запретить фильм. То, что раньше

казалось нонсенсом, сейчас становится реальной жизнью. Меня несколько удивляет, например, и сама дипломатия в России сейчас. Я вспоминаю Примакова, какой это был дипломат, вспоминаю несколько случаев, как он поступал, когда нужно было договориться с Олбрайт о каких-то важных внешнеэкономических делах. А сегодня у нас дипломатия перешла на жаргон. Когда читаешь то, что там высказывают говорящие головы, — это похоже, не знаю, на какую-то дворовую перепалку. Это новый стиль, потому что делают это умные люди, это не глупые люди говорят — вот что удивляет.

И, конечно, когда история толкуется согласно государственной целесообразности — это вызывает, на самом деле, разрушение горизонтальных связей в обществе и определённого уровня доверия, который был достигнут. А как правильно заметил сейчас в своём докладе, по-моему, Европейский банк реконструкции и развития (это не про Россию они даже сказали), страны с низким уровнем доверия и высоким уровнем регулирования делают страну беднее — вот это факт. Тем более, если ещё экономика носит рентный характер, то всё это очень разъедает экономическую базу для роста.

Вот это, наверно, и есть истинные причины стагнации, и они, конечно, будут требовать однозначно серьёзных изменений во всех сферах нашей жизни. И надо помнить хорошо урок и Брекзита, и урок только прошедших выборов в Соединённых Штатах, когда на самом деле так получается, что некое пренебрежение интересами простых людей приводит к тому, что при свободном волеизъявлении элиты получают хороший пендель. При несвободном волеизъявлении рано или поздно тоже что-то случается.

На этом я хотел бы закончить.

А. Н. Привалов

Спасибо большое. Сегодня у нас, вопреки установившейся за последние месяцы традиции, докладчик один, как у людей. Поэтому давайте как люди и строить дальнейшее обсуждение. Значит, сначала вопросы к докладчику. Потом, когда на вопросы Олег Вячеславович ответит, начнём высказываться. Прошу задавать вопросы.

В. Л. Макаров, директор ЦЭМИ РАН, академик РАН

Олег Вячеславович, Вы почти ничего не сказали о роли банковского сектора, ведь он какую-то позитивную или отрицательную роль играет. Сравнить, так сказать, с западным банковским сектором — насколько он тормозит или, наоборот, развивает экономику. Вот тут всё падает, падает, но банковский-то сектор не падает. Может, что-нибудь про банковский сектор хорошего или плохого скажете?

О. В. Вьюгин

Просто не было цели об этом говорить. Сегодня в стране главная роль банковского сектора — реальная, она состоит в том, что банковский сектор осуществляет движение финансовых ресурсов. Это кровеносная система, через которую они

движутся. И слава Богу, что движутся. И надо сказать, движется хорошо, потому что банковские технологии у нас развиваются лишь с небольшим отставанием от самых развитых банков в мире. У нас тоже быстро развиваются электронные банки. Но если посмотреть на роль банков именно в процессе создания ценностей и инвестиций — она невелика, по последним данным, участие банков в инвестиционных проектах своими ресурсами составляет 7%.

Вообще говоря, в России так до сих пор, по-моему, и не сложилась какая-то понятная финансовая система для поддержки инвестиций. Есть европейская система, когда банки действительно активно вовлечены в инвестиционные проекты, это просто один из их таких серьёзных бизнесов. Есть американская система, когда финансовые ресурсы поднимаются на финансовых рынках, то есть когда нет рычага и просто соединяются те, у кого есть деньги, с теми, у кого есть потребность в этих деньгах.

Россия не выбрала для себя варианта, хотя банковский сектор в России развит в большей степени, чем другие финансовые посредники. Профессионализм в банковской сфере очень разный, есть высокопрофессиональные банки, но очень много, к сожалению, банков, которые профессионально были не готовы к тяжёлым событиям. Капитал недостаточен. Проблема в том, что российский банковский сектор уже семь лет находится в состоянии кризиса. Запущенный в 2008–2009 гг. кризис привёл к огромным потерям капиталов. Это было скрыто, это до сих пор скрывается. Кризис 2014 года добавил, поэтому банки сейчас с большим трудом кредитуют реальные проекты.

Вот, если коротко, так. То есть роль банков невелика.

А. Н. Привалов

Если позволите, микровопрос просто к одной из Ваших фраз. Вы сказали: «Не сложилась финансовая система для поддержки инвестиций». Она должна была сама сложиться или кто-то должен был предпринять некие усилия для её складывания?

О. В. Вьюгин

Ну, это всегда процесс взаимный. В чём здесь роль не частной инициативы, то есть государственной, — в том, чтобы очень чётко сформулировать принципы и способы достижения тех или иных целей. Как это сделали, например, китайские власти? Решение каждой крупной проблемы они начинают с того, что формулируют, как они её будут решать, затем находят взаимопонимание с теми, кто должны это решать, и после этого процесс запускается. Ну, например, Китай хорошо понимает, что нужны абсолютно новые технологии, нужно быть по уровню технологий такими же, как Америка. Что они для этого делают? Например, они поощряют создание научных центров вне территории Китая с участием китайских компаний. Понимаете, как надо было додуматься! Потому что они хорошо понимают, что к ним, в Китай, технологические центры не переедут, поэтому нужно отправлять китайские компании туда и заниматься тем, что создавать там научные центры. Зачем — понятно.

В.Л. Макаров

Вот так же, наверно, и в финансовой сфере. У нас финансовый сектор развивался если не хаотично, то, в общем-то, как пойдёт. То есть когда была возможность создавать банки, все создавали банки,— что это вообще за бизнес без банка! Когда можно было торговать ценными бумагами на подъёме — все создавали брокерские компании и управляющие компании. Когда стали возникать трудности — все стали их закрывать.

Не было серьёзной концепции, мне кажется.

А. Н. Привалов

Спасибо. Виктор Меерович, прошу, Ваш вопрос.

В. М. Полтерович

Олег Вячеславович, я правильно понял, что в целом Вы позитивно относитесь к гайдаровским реформам? И основной аргумент здесь состоит в том, что в 1992 году произошли реформы, а в 1999 году начался рост, этот рост продолжался десять лет, и в результате можно сказать, что мы сейчас живём лучше, чем в 1991 году.

Вы считаете, что такая логика действительно оправдывает реформы, и нам не надо смотреть на то, что было в промежутке? Вопрос немножко провокационный,

В. В. Прохвятилов

я чуть-чуть поясню. Маркевич и Харрисон¹ подсчитали, что относительные потери ВВП в 90-е годы в России, были выше, чем суммарные потери за годы террора и годы Второй мировой войны. При оценке реформ мы должны абстрагироваться от этих потерь или всё-таки их тоже учесть?

О. В. Вьюгин

Я, по-моему, в начале-то, сказал, может быть, не очень ясно. Я оцениваю ситуацию таким способом: действие — результат. Вот действие — вот результат. Можно ли было сделать лучше или по-другому, чтобы достичь того же результата, я не знаю. На этот вопрос, к сожалению, наверное, вообще нельзя ответить. Можно много спекулировать, что нужно было бы сделать немножко по-другому, и тогда всё было бы иначе. История сослагательных наклонений не любит. Это будет чистая спекуляция.

¹ Маркевич А., Харрисон М. Первая мировая война, Гражданская война и восстановление: национальный доход России в 1913–1928 гг. М.: Мысль, 2013. См. стр. 38, где приведены данные о падении российского совокупного национального дохода за периоды 1937–1942 гг. (–21%) и 1990–1994 гг. (–38%).

Что было, то было, понимаете. И очень многие решения принимались под давлением обстоятельств, к сожалению. А относительно потерь — в 90-е потеряли много того производства, что обществу и не нужно было. Доходы советских людей не обеспечивались достаточной товарной массой, а сбережения были вынужденными.

А. Н. Привалов

Олег Вячеславович, а Вы воспользуйтесь модной теперь формулой: «Это часть нашей истории». И сразу всё будет понятно.

Прошу — Владимир Викторович Прохватилов.

В. В. Прохватилов, президент «Академии реальной политики»

Олег Вячеславович, Вы сказали, что китайцы создают научные центры вне Китая. А у нас такие потенциальные научные центры в банковском секторе существовали, это были совзагранбанки. Мне приходилось общаться с людьми и структурами, которые этим интересовались, поэтому у меня есть своё мнение, но на Ваш взгляд, почему из них не получилось таких вот точек интеллектуального роста и привнесения зарубежного опыта сюда?

О. В. Вьюгин

Да кто его знает. С ними мучились очень долго, не знали, куда их девать. Точнее, как их рационально использовать. Ну не знали, не понимали, чего от них надо. В конце концов передали ВТБ. ВТБ как-то с ними разобрался.

В. В. Прохватилов

Ну, и ВТБ сейчас под угрозами Высокого суда Лондона.

О. В. Вьюгин

Да, понятно. С точки зрения технологий я здесь проблем больших не вижу. В банковском секторе на сегодняшний день идёт очень хороший процесс освоения новых технологий. На мой взгляд, некоторые российские банки не сильно отстают в освоении мейнстримовских идей и технологий, существующих сейчас в мире. Сбербанк, например, фактически движется в фарватере. Пять или шесть лет назад был создан «Тинькофф Банк» — фактически банк будущего. Дальше вопрос, как они смогут разобрататься и правильно сориентироваться. Но, в принципе, это было ровно то, что делали одновременно в развитых странах. Здесь я как-то сильно не переживаю, в банковской сфере инновации развиваются очень сильно.

А. Н. Привалов

Эти не пропадут.

О. В. Вьюгин

Да.

Г. А. Тосунян, президент Ассоциации российских банков

Олег Вячеславович, в продолжение вопроса о том, что потери от гайдаровских реформ были выше, чем за годы террора и за годы ещё чего-то. Вы сказали, «что было, то было». Это неправильная постановка вопроса, на мой взгляд. Всегда за прошлое надо всё-таки отвечать и как-то его анализировать, иначе будешь наступать на одни и те же грабли. Не считаете ли Вы, что нужно ставить вопрос следующим образом: если мы сегодня так рьяно и так активно пытаемся привлечь к ответу за реформы начала 90-х годов, то почему никому из моих коллег не пришло в голову поставить вопрос о том, чтобы оценили всё-таки ущерб, который был нанесён за предыдущие 70 лет и экономике, и истории нашей страны? Выводом из которого было бы некое покаяние и за террор, и за соответствующую уродливую экономику. А потом уже перешли бы к оценке ущерба, нанесённого Гайдаром или ещё какими-то реформами. Почему мы взяли в качестве жупела один какой-то период и двадцать пять лет всё время талдычим об этом, а предыдущие все ущербы, в том числе и массового истребления собственной нации, как-то закрываем? И никакого намёка на покаяние у нас близко нет. Вас этот вопрос не беспокоит, Олег Вячеславович?

О. В. Вьюгин

Прежде всего я Вам скажу, почему мы берём тот самый период последний, о котором Вы говорите. Потому что мы его пережили, вот и всё. Если бы мы пережили период сталинских репрессий, может, мы бы здесь что-то об этом говорили. Я просто не хотел эту дискуссию поднимать. Но если сообщество захочет, то можно, конечно.

А. Н. Привалов

Ну, эта дискуссия абсолютно бессмысленна. Всё сказано по многу раз.

О. В. Вьюгин

Но всё равно это дискуссия. Я только бы отметил, что совершенно некорректно сравнивать период 90-х с периодом, скажем, сталинской индустриализации или тем более с Великой Отечественной войной. Ведь критерием-то является не ВВП, не объём промышленного производства и не сколько танков, самолётов и кого уконтрапупили. Критерием являются люди, ведь экономика — для людей. А люди, давайте посмотрим, в 90-е годы всё-таки десятками миллионов-то не гибли, там не сажали, не стреляли, не заставляли из последних сил строить заводы и жить как скот. Не было этого. И поэтому некорректно сравнивать экономический результат по тому, как он был достигнут тогда и как он достигнут сейчас. Я согласен, это особая история, она является до сих пор спорной в общественном мнении в России. Но это отдельный разговор.

А. Н. Привалов

Прошу прощения, просто не могу выдержать. Ну так тоже нельзя. Если измерить не ВВП, а людьми, то всё гораздо хуже. Потому что 90-е годы — это время страшной

Г. А. Тосунян

социальной деградации. Это время, когда целые интеллектуальные слои общества ударились в нищету и спустились по квалификационной пирамиде. Этого никто не считал. Это гораздо больше, чем потеря ВВП.

Ну, я сам говорю о том, о чём мы не хотели говорить, да...

Г. А. Тосунян

Но остались живы.

А. Н. Привалов

Ну, не все; некоторые остались живы.

Александр Сергеевич — прошу!

А. С. Соколов, ректор Московской консерватории

Олег Вячеславович, я всё ждал, когда Вы коснётесь административной реформы 2004 года, в это время мы с Вами в Белом доме довольно часто встречались. Я тоже не из газет получал некоторое впечатление [А. С. Соколов — министр культуры в 2004–2008 гг.]. И возвращаясь к тезису, который предлагал Александр Николаевич [Привалов],— как-то

А. С. Соколов

совместить позитивные и негативные оценки, так сказать, их гармонируя. Конечно, шутя можно сказать, что эта гармонизация в известной фразе «хотели как лучше, а получилось как всегда». И всё-таки действительно были такие послы, и они очень широко рекламировались. Скажем, как монетизация льгот, как нацпроекты, поиск национальной идеи, которую потом президент назвал «очередной российской забавой».

Вот всё-таки посыл и результат? В какой степени на том этапе изменилась траектория полёта? Это было усугубление ситуации, это было некоторое продолжение тех же тенденций, которые Вы уже охарактеризовали? Что это был за период — упущенные возможности или нечто иное?

О. В. Вьюгин

Да, в 2004 году действительно была какая-то попытка перейти от слабого государства к государству более сильному и эффективному, поскольку считалось, что слабое государство не способствует экономическому росту и т.д.

А. Н. Привалов

Просто не может налоги собрать.

О. В. Вьюгин

Ну, или не может налоги собрать, да. Идея сильного государства действительно была заложена в административной реформе. Но так, чтобы не создать ситуацию, когда государство всесильно, и презирует или не следует некоторым правилам, которые позитивны для предпринимательского климата. Такая попытка была действительно сделана, но она не получилась. В общем-то, на мой взгляд, до конца не получилась, поскольку всё-таки возобладала тенденция просто усиления государства, его силовой функции, численности и полномочий бюрократии. То есть запустился-то несколько другой процесс.

А. Н. Привалов

Спасибо. Прошу Вас,

С. В. Егоров, заведующий отделением Акустического института им. Н. Н. Андреева

Олег Вячеславович, спасибо большое за очень интересный доклад, действительно многое стало яснее. Хотелось услышать Ваше мнение вот по какому вопросу, который меня давно занимает. Россия — огромная страна, разнообразная, регионы взаимодействуют довольно слабо, зато идёт бурная деятельность через границу, даже слишком бурная. Вот с учётом такой сложности и комплексности страны, как Вы считаете, возможно проводить единую экономическую политику, единую образовательную политику, единую социальную политику? Или мы рано или поздно придём к какой-то идее зонирования, и в каждой зоне будут, ну, если не свои правила игры, но каким-то образом отличаться?

О. В. Вьюгин

Наверно, если Россия — это единая страна, то, конечно, основные законы, федеральные законы должны выполняться на территории всей страны. Что не исключает того, что в рамках этих федеральных законов могут быть какие-то специальные полномочия в регионах. Надо сказать, что в начале 2000-х — это тоже было отражено в программных документах власти — была идея восстановления законности на территории России. Тогда были отдельные регионы России, которые шли по пути создания собственных законов, противоречившим федеральным. Была поставлена задача Генпрокуратуре навести порядок. Этот процесс шёл несколько лет. Придумали полномочных представителей президента в округах, для того чтобы как раз унифицировать реальное исполнение российских законов на территории всей страны. Мне кажется, что это правильно. Но определённая экономическая свобода или дополнительная должна быть. Чрезмерная централизация экономических дел, возможно, в какой-то степени вредит. Всё-таки заинтересованность в экономическом развитии в регионе должна быть очень сильной. Вот эту проблему пока как-то до конца решить не удаётся.

С. В. Егоров

А то, что в единой стране должны быть единые законы и их исполнение,— это нормально. В рамках законодательства могут быть свои решения. Ну, то есть конструкция понятна, а как её реализовать до конца, не очень понятно.

В. Н. Лившиц, *заведующий лабораториями СИС РАН, ЦЭМИ РАН*

Олег Вячеславович, у меня вопрос такой. В целом ряде работ, когда говорят о реформах 90-х годов, да можно и до 2016-го продлить, высказываются мнения, что наши реформаторы просто не понимали, где они проводят эти реформы. Ну, вот, скажем, Николай Яковлевич Петраков в книге «Русская рулетка: экономический эксперимент ценой 150 миллионов жизней» прямо написал, что то, что там делали, можно было делать в немножко больной, но нормальной рыночной экономике. А нам надо было переходить от не рынка к рынку. И вместо того чтобы ребёнка сначала родили, его угробили сильными лекарствами. Ваша точка зрения по этому поводу?

О. В. Вьюгин

Не берусь однозначно ответить, но я над этим тоже думал. И опять хочу вернуться к последним годам Советского Союза. Ведь что-то подобное и пытались делать, то есть

В. Н. Лившиц

была абалкинская комиссия, были рекомендации, были решения, ещё раз повторяю, о внедрении частной собственности на средства производства в советской экономике. То есть пытались идти по пути: есть госпредприятия — вот пусть они работают как госпредприятия и также регулируются государством, но давайте дадим возможность создавать частные предприятия, которые, возможно, будут более эффективные, люди получают рабочие места, начнётся... Хорошая мысль, да? А почему этого не произошло? Вроде бы шаги сделали, а затем Советский Союз распался. Он же распался не потому, что Гайдар захотел этого. Это произошло в результате экономических и политических обстоятельств.

А вот китайские товарищи, которые от сугубо коммунистической экономики переходили к рыночной, сумели сделать так, что у них до сих пор государственные предприятия играют довольно большую роль, до сих пор они достаточно, так сказать, пестуются там партийными структурами. Но получила огромное развитие ещё другая экономика — негосударственная. Чего хотел сделать и Советский Союз, в принципе. И я знаю тех людей, которые в комиссии работали, у них такие идеи были. Но не получилось. Почему? Не знаю, но не получилось. Есть всякие объяснения, типа в политбюро сидели косные люди, не способные что-либо сделать, и т.д.

С. В. Егоров

О. П. Кузнецов, *заведующий лабораторией ИПУ РАН, председатель Научного совета Российской ассоциации искусственного интеллекта*

Олег Вячеславович, у меня совсем частный вопрос. Вы сказали, что импортозамещение является ложным. Аргументы, которые Вы привели, понятны: действительно не надо изобретать айфоны и т.д. Но ведь, кроме айфонов, есть, грубо говоря, вилки-ложки. И с точки зрения обывателя, иногда обидно просто покупать ножик, на котором написано, что он сделан в Бразилии. Ну, а с экономической точки зрения ведь разумно проведённая идея импортозамещения — это стимулирование российского производителя, это рабочие места и т.д. Вот что Вы скажите по этому поводу?

О. В. Вьюгин

Я скажу, что было бы правильно делать с точки зрения государственной политики — это всемерно поощрять экспорт. Кстати, тезис импортозамещения сейчас как-то немножко сходит. А премьер-министр уже говорит об экспортной экспансии, потому что создание продуктов и товаров, которые могут продаваться на любом рынке, — это и есть импортозамещение, но в другом смысле.

А. Н. Привалов

Один из видов.

О. В. Вьюгин

Да, один из видов. Потому что если вы делаете неконкурентный товар в замкнутой экономике — это один результат, он имеет право на жизнь. Если вы делаете конкурентный продукт — это другой результат, и он гораздо лучше. Вот в этом нюанс — в том, что нужно просто правильно ставить задачи. А когда под импортозамещение даже фонды какие-то выделили, стали финансировать производство, — какой в этом смысл, не знаю. В принципе, если вилки выгоднее делать в России, их бы давно уже делали, потому что не ахти какое производство нужно. Это же не какая-то сверхсложная технология — нужны станки, вот и всё. Я считаю, что не надо на эту тему долго рассуждать. Нужно просто правильно формулировать государственные приоритеты и выделять на эти приоритеты соответствующие финансовые ресурсы, если они есть. Если уж поддерживать, то конкурентные продукты, которые могут идти на экспорт. А то, что, скажем, вилки в России не делают — ну, это не обидно. Зато мы кое-чего другое умеем делать.

А. Н. Привалов

Ещё вопросы? Прошу Вас.

И. А. Николаев, директор Института стратегического анализа ФБК

У меня короткий вопрос. Олег Вячеславович, отталкиваясь от темы доклада, — так сейчас можно назвать российскую экономику устойчивой или нет?

О. В. Вьюгин

В принципе можно. Я в основном говорил про экономический рост. А устойчивая ли экономика? Да, в принципе устойчивая. Конечно, всегда возникает вопрос: а как долго?

Из зала

Это устойчивость на дне или просто устойчивость?

А. Н. Привалов

Какая, собственно, разница?

О. В. Вьюгин

Это ситуация определённой стагнации, то есть когда спрос ещё будет некоторое время сокращаться, и несмотря на имеющиеся прогнозы, что якобы экономика возрастет на 1–2%, есть шансы, что не возрастет. Но в принципе глубокого падения уже точно не будет, потому что спрос стабилизировался. Вопрос в том, что не запускается рост. Без административного ресурса инвестиции не идут.

И. А. Николаев

В. В. Прохвятилов

Перефразируя Гашека, «умеренный регресс в рамках законности».

А. Н. Привалов

Пока в рамках законности.

О. В. Вьюгин

Пока, да.

А. Н. Привалов

Я тоже хотел задать вопрос по поводу устойчивости экономики. Но удержался, потому что возможный ответ мне напомнил старинный анекдот: «Товарищ прапорщик, крокодилы летают? — Ни. — А капитан сказал, летают. — Та летают, або ж низэнько-низэнько». Вот стабильность такая.

Ещё вопросы, пожалуйста.

Прошу, Владимир Степанович.

В. С. Мясников, *главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН, академик РАН*

Сегодня мы все считаем, что Китай успешно провёл реформы, вышел на международный уровень развития экономики и социальной сферы. Но давайте вспомним, с чего начинал Китай: десять лет культурной революции, экономика вся была развалена, транспорт работал только на 20%, заводы стояли — полный развал. С чего начали китайцы? Оживили сельское хозяйство, оно дало сырьё для лёгкой промышленности. Но кроме этого, кроме этого китайского плана, они ещё пригласили наших специалистов. Иван Васильевич Архипов² — ну как вам сказать, в середине 80-х годов, он провёл почти весь этот период там. Были совершенно секретные визиты его туда, были открытые визиты, и он учил китайское руководство, как постепенно переходить от модели, сложившейся при Мао Цзэдуне, к более эффективной. И они добились этого. И в 90-е годы они сказали, мы уже готовы идти дальше, мы всё восстановили.

Вот понимаете — как? У нас тоже были очень умные головы, которые могли и нашу экономику поставить на правильные рельсы, с моей точки зрения. Я думаю, что Вы тоже согласитесь с этим? Или нет?

А. С. Соколов

Нет пророка в своём отечестве, согласитесь?

О. В. Вьюгин

Что отличает Китай в контексте того, что Вы сказали, в политике от России? То, что удивительным образом после периода кровавых событий во времена Мао Цзэдуна, китайские лидеры очень прагматично и чётко определяли цели и шли к ним. Вот не могу ответить, почему. Да, советник, наверное, был нужен и сыграл большую роль, потому что такого потенциала знаний экономики в Китае не было тогда. После Мао Цзэдуна многих людей, которые могли что-то делать, убрали. Но феномен Китая заключается в том, что лидеры страны, неважно, в какой цвет они были окрашены, — красный, не красный или «серый», как Дэн Сяопин говорил, — они почему-то очень умели прагматично формулировать цели и следовать им. Это феномен китайской политики.

А цели они ставили не лозунговые, они их ставили очень хорошо структурированными. Они хорошо понимали, скажем, как можно вывести Китай из того положения, в котором его оставил Мао Цзэдун. Есть огромное сельское население, которое

² Архипов Иван Васильевич (1907–1998) — советский государственный деятель; заместитель, первый заместитель председателя Совета министров (1974–1986); В благодарность Архипову за многолетнюю работу в Китае в качестве главного советника и руководителя большой группы советских специалистов в 1996 вышла книжка известного китайского писателя Гао Мана «Повесть об Архипове». На русский язык книга была переведена переводчиками-китаистами в 1998 г.

В. С. Мясников

пребывает в нищете,— значит надо его просто освободить. Люди будут работать почти даром, но они будут работать, потому что они видят, что, вырвавшись в город, они получают возможность улучшить своё положение.

Дальше. Но с чем они будут работать? Надо хотя бы, чтобы был какой-то завод, предприятие. Надо сделать так, чтобы пришли иностранные инвесторы, принесли самый простой завод, самые простые станки, посадили на них китайцев, которые почти даром работают,— и дело пойдёт. Простое решение, но оно было выполнено.

Дальше они рассуждали так: просто так приглашать иностранцев нельзя, они придут, соберут самое лучшее и уйдут, поэтому надо этот допуск давать только через совместные предприятия, в которых есть китайцы и есть не китайцы. А китайцы должны учиться, как правильно работать. И дальше через валютный контроль, через систему контроля входа и выхода капитала в страну так были построены условия, что западные компании, безусловно, извлекали очень хорошие прибыли из бизнеса в Китае, но не более того. Ничего другого больше извлечь они не могли. Таким образом, все страхи о том, что иностранный капитал может как-то повлиять на политическую ситуацию, на управляемость страны, тоже были сняты.

Когда этот процесс был исчерпан (сейчас уже Китай — действительно мировая фабрика, но уже не такая дешёвая), Китай понял, что это заканчивается, значит надо становиться мировым производителем технологий. Дальше они перешли к новой политике: давайте приглашать. Сначала у них была идея создавать внутри Китая такие же университеты, как Гарвардский, ну а потом они поняли, что это не получится или, по крайней мере, быстро не получится, и решили, хорошо, давайте мы пойдём туда и т.д. Это другая тема.

Но ответ такой: получилось, что у китайской элиты (фактически это партийная элита) оказались достаточно хорошие мозги. И в политике тоже. В Китае хорошо поняли, что сменяемость и ротация руководящих элит — это тоже некий залог от стагнации и разрушения продуктивных правил внутри экономики. Они это реализовали. Коррупция, да, коррупция есть, — где её нет? — но они с нею борются.

В. С. Мясников

Я могу добавить к этому ещё, что в 80-е же годы китайцы, услышав, что у нас собираются производить реформы, сказали: «Мы подсчитали (мы, китайцы, подсчитали), что тогда вы через пять лет обгоните Америку». Вот так. Они подсчитали наш потенциал и решили, что если действительно будут реформы, то это будет так.

О. В. Вьюгин

Да, мы каким-то чудесным образом свой потенциал подрастеряли.

А. Н. Привалов

Ещё вопросы есть? Тогда давайте высказываться, господа. Прошу, Виктор Меерович.

В. М. Полтерович

Александр Николаевич, Вы в своём вступительном слове обидели большую группу экономистов, и не только отечественных, но и западных, сказав, что всё, что можно сказать про реформы 90-х годов, — это мнение: есть мнение «за», есть мнение «против», а ничего объективного сказать нельзя.

На самом деле существует громадное количество исследований не только гайдаровских реформ, но и всего того, что происходило в 90-е годы в переходных экономиках и в 80-е годы в странах Латинской Америки, — всего того, что символически называется реформами по стандартам «Вашингтонского консенсуса». Литература эта включает в себя и серьёзные математические модели, и обширные эконометрические расчёты, и многочисленные case-studies, то есть изучение конкретного опыта. Есть даже переведённый на русский язык учебник по переходной экономике Жерара Ролана.

Вашингтонский консенсус — это десять тезисов, которые были взяты на вооружение Международным валютным фондом и Всемирным банком, для того чтобы

вырабатывать рекомендации для латиноамериканских стран и стран с переходной экономикой. Эти страны следовали рекомендациям в разной степени. Скажем, Китай совсем не следовал. Белоруссия следовала в очень, так сказать, ограниченной форме. Узбекистан тоже не совсем следовал. А, скажем, Россия и Украина следовали практически на 100 процентов.

Начало критического отношения к Вашингтонскому консенсусу можно связать с появлением в 1996 году статьи гарвардского профессора Дэни Родрика, в которой он предложил простую конструкцию. Он сказал, давайте посмотрим на страны «экономического чуда», на те, которые действительно были «развивающимися» и стали развитыми в течение примерно 20–35 лет, — в какой мере они следовали Вашингтонскому консенсусу? Выяснилось, что следовали, в общем, не очень сильно, то есть какие-то пункты совпадали, а по большей части — нет.

Началом критики это можно назвать условно, потому что подобная литература существовала и до того, но именно за этой статьёй последовал взрыв литературы, посвящённой реформам. Здесь очень много сделано, я не могу, естественно, рассказать даже и сотой части, но кое-что всё-таки скажу.

Первое — если мы оцениваем какой-то период развития, мы не можем ограничиваться только сравнением конечного состояния с начальным. Экономисты знают, что в общем нужно брать интеграл, то есть нужно учитывать все промежуточные состояния. При таком подходе провал, который у нас был в 90-е годы, обретает свой вес. Совершенно ясно, что соответствующий подсчёт даст резко отрицательные оценки. Возникает вопрос: а почему? И можно ли на этот вопрос ответить? Конечно, можно.

Можно, прежде всего, оценивая результаты не только отдалённые, но и немедленные, и сопоставляя их с тем, что планировалось получить. А кроме того, можно сравнивать разные страны друг с другом. Как я уже сказал, некоторые из них не следовали Вашингтонскому консенсусу, а другие следовали в меньшей степени, чем остальные. И тщательное сравнение показывает, что за 90-е годы страны потеряли тем меньше, чем в меньшей степени они следовали этим рекомендациям. Это очень грубое утверждение, но в целом оно верное.

Кстати, если говорить о Китае, на мой взгляд, суть китайских реформ состояла прежде всего в том, что в этой стране реформы проводились очень постепенно. Скажем, либерализация цен у нас, условно говоря, заняла один день — 2 января 1992 года, а в Китае — 15 лет, шаг за шагом. Притом была придумана определённая конструкция того, что я называю промежуточными институтами, то есть была создана последовательность реформ, замечательная по разработанности действий, в результате которой цены оказались либерализованы. То же самое с либерализацией внешней торговли, проходившей так же примерно 15 лет, а не в один присест.

Приватизация в Китае не закончилась до сих пор. Это происходило тоже по очень интересной траектории. Вначале в результате некоторого освобождения рыночных сил пошли в ход так называемые *township and village enterprises*, то есть маленькие

муниципальные предприятия, которые, казалось бы, никакой перспективы не имели, с очень странной структурой корпоративного управления. (Например, в них обязательно участвовали местные чиновники или партийные начальники.) И тем не менее эти предприятия пошли в ход, позволили создать рыночную инфраструктуру, потому что они всё-таки были рыночными предприятиями. Они позволили менеджерам накопить определённые знания. И они, отчасти по крайней мере, изменили массовую культуру, потому что так же, как и в России, отношение к частным собственникам в Китае было резко отрицательным.

Теперь вопрос: можно ли что-то сказать о том, что необходимо для того, чтобы страна прошла этот путь за обозримое время, скажем за 20 лет? Прежде всего нужно заметить, что стран «экономического чуда» было мало. Правда, среди них не только страны Юго-Восточной Азии — страны, которые из развивающихся стали развитыми примерно за 20–35 лет, но и такие как послевоенная Франция или Португалия, или Испания ещё при диктаторском режиме (тогда был рывок в производстве). Или Ирландия середины 90-х годов, когда началось так называемое «ирландское экономическое чудо».

Оказывается, что во всех этих очень разных странах наблюдались определённые черты институционального механизма, которые для них являются общими, — вот это удивительная вещь. На самом деле, очень полезно различать институты конкурентного рынка и институты догоняющего развития. Когда мы говорим, что надо улучшать институты, — такой часто встречающийся лозунг, — под этим имеется в виду укрепление прав собственности, снижение барьеров для бизнеса, борьба с коррупцией и т.д. Так вот, парадокс состоит в том, что во многих странах экономического чуда эти институты были очень плохими.

Скажем, Южная Корея просто славилась высоким уровнем коррупции. Несмотря на быстрый экономический рост, президенты, которые возглавляли эту деятельность, один за другим отправлялись в тюрьму. И при такой действительно плохой институциональной системе, при плохих институтах конкурентного рынка было нечто такое, что позволило Корее всё-таки быстро расти.

А какие же это институты догоняющего развития, которые могут существовать при плохих институтах конкретного рынка и обеспечить рост? Кстати говоря, когда мы начинаем расти, у нас улучшаются и институты конкурентного рынка. Это мы наблюдали в некоторой степени в 2000-х годах, там тоже происходило определённое улучшение.

Так какие это институты? Практически во всех этих странах была та или иная форма индикативного планирования. При этом основная задача индикативного планирования, как писал ещё Пьер Массе, основатель этой системы во Франции, состоит в том, чтобы создавать обстановку доверия между государством, бизнесом и обществом. Он подчёркивал, что дело не в точности выполнения планов, хотя первые пятилетние планы во Франции действительно выполнялись и перевыполнялись. Он подчёркивал другое: создание обстановки доверия — это очень важно.

Ещё об одном — об инновационных системах, нацеленных на заимствование. Я думаю, что лозунг «даёшь инновации!» нанёс уже нашей экономике колоссальный вред. Потому что если вы создаёте институты для того, чтобы делать нечто, чего этот институт сделать не может (а нашим институтам развития именно такие задания давали), то от этого может быть только вред. Ведь что следует дальше? Дальше — не получается. А почему не получается? А потому что, оказывается, нет спроса на инновации. Давайте задумаемся в это. Это означает, что бизнес не требует инноваций, он не может их переварить. И здесь легко понять, почему это так: потому что старая институциональная и технологическая система не воспринимает по-настоящему новое — новое для мира, ей нужно сначала выйти на какой-то достаточный уровень. Я напомню, что мы отстаём по производительности труда от Соединённых Штатов примерно в 3,5 раза, а от Европы — примерно в 2,5.

Есть ещё целый ряд механизмов, общих для всех стран экономического чуда. Нам нужно просто осознать, что обычными мерами экономической политики мы не сумеем добиться быстрого и устойчивого роста. Нужна институциональная реформа, но не шоковая реформа, а реформа, которая бы опиралась на уже сделанное, на то, что уже достигнуто. У нас заложены и основы системы планирования, — есть многочисленные законы, которые, к сожалению, не работают, — и основы инновационной системы. Здесь нужно, прежде всего, понимание. Даже не просто государственная воля, а понимание того, к чему надо идти и что надо сделать.

А. Н. Привалов

Спасибо, Виктор Меерович. Прошу Вас, Павел Алексеевич.

П. А. Медведев, финансовый омбудсмен

С тех пор как изобрели «Диссернет», я тщательно скрываю, что я кандидат одних наук, доктор других. И сегодня понял, какой же я умный. Если бы было известно, что я кандидат и доктор разных наук, мне было бы очень стыдно от того, что ничего не понимаю, что сейчас происходит. Какие-то вопросы задают, чего-то отвечаю: так надо было реформу делать, эдак. А как человеку мне просто стыдно, что я не понимаю.

Начну с Гайдара. Правда, с тех времён, когда Гайдара звали Аркадием, — с 1968 года. В 1968 году — оцените, насколько у меня хорошая память, — родилась моя очередная дочь, как сейчас помню, 8 марта. Всё было благополучно. На пятый день её выпустили домой, а на шестой день выдался прекрасный, солнечный день, я решил её на руках вынести погулять. Думаю, пусть привыкает к жизни, к действительности. А рядом был магазинчик. Захожу я в магазин (вечером должны были родственники прийти, посмотреть, кто народился-то), надо чего-то купить (кормить же надо этих родственников), в магазине ничего нет. Вышел из магазина, гуляю с ребёнком.

П. А. Медведев

Вдруг вижу, какое-то движение вокруг этого магазинчика. Если вы помните, Хрущёв такую сделал пародию на самообслуживание в магазинах: ставили коробку около кассы, там чего-то можно было взять, подойти к кассе и пробить. Забегаю туда, смотрю, стоит коробочка около кассы с сайрой в масле. А у нас в семье из сайры в масле умеют хорошие блюда делать. Беру четыре коробки, думаю, надо побольше взять. Подхожу к кассе. Кассирша на меня кричит: «Две коробки в одни руки! Две коробки в одни руки!». Я с тоской две коробки откладываю назад. А потом, вспомнив, поворачиваю рожницей дочку к кассирше и говорю: «Нас двое». Обалдевшая кассирша соглашается, что нас двое, и я счастливый уношу четыре коробки.

В 1991 году произошёл путч. А я перед путчем был советником Ельцина и всё время что-нибудь ему советовал. А он любил советы слушать, у него много было советников. Он, бывало, нам говорил: «Вы сегодня вот ночью поработаете, а потом поспите». А на следующую ночь опять говорил: «Вы сегодня поработайте — мне завтра выступить, а потом поспите». Когда время дошло до отпуска, я еле держался на ногах. Едва добрался до постели в субботу, лёг спать, будильник не завёл, думаю, сколько проспю, столько и хорошо.

Просыпаюсь, включаю радио — «Лебединое озеро» (оказывается, я больше суток проспал). И всё понятно: надо бежать обратно в Белый дом, где мои товарищи, другие советники Ельцина. А по дороге думаю: понятно, что Белый дом оцеплен, бедные, голодные там сидят, надо еды какой-то достать. В магазинах только лавровый лист. Ну, булочные есть. В одну булочную захожу — хлеба абсолютно нет, иду к директору. А у меня значок депутатский (я был народным депутатом РСФСР), а депутатов тогда уважали, не то что сейчас. Директриса отдаёт мне свою буханку, которую она себе отложила домой, потому что я депутат. В другой булочной беру ещё одну буханку, набираю рюкзак хлеба. Только хлеба и принёс в Белый дом к тем самым советникам, которые советовали, как реформы-то надо было делать.

Среди советников через некоторое время появился Гайдар. Значит, Гайдар что-то одно советует, не буду называть фамилию Ельцину что-то другое советует, я — что-то третье. В конце концов мы с Гайдаром договорились, начали советовать одно и то же: что цены надо отпускать, иначе от голода умрём. Ельцин говорит: «Да как же это цены-то отпускать? Знаете, как цены вырастут!». Ну на что цены вырастут? В магазинах ничего нет. Убеждали, убеждали, ура, убедили! В октябре или ноябре Ельцин должен был выступать на Верховном Совете, про отпускание цен говорить. Ну, пишется текст выступления. Гайдар его убеждал, что надо отпустить цены с 1 января, потому что там то, се, пятое, десятое надо сделать, чтобы не слишком было плохо. И так было написано в тексте, который отредактировал Гайдар. А Ельцин своим бисерным почерком вписал: «Отпустим цены ещё в этом году».

Коллеги, о чём вы говорите, какая реформа?!

А. Н. Привалов

Павел Алексеевич, вот ровно об этом все и говорят.

П. А. Медведев

Да подождите! Вы говорите, надо было не так, а сяк. Да никак нельзя! Все были прижаты к стенке. Один говорит одно, другой — другое, третий — третье. Ельцин то с этим согласится, то с другим согласится, то с третьим. Потом, через некоторое время, отчасти под влиянием Гайдара (Гайдар мой бывший студент) я стал заниматься банковским законодательством. И естественно было, что советские люди воспринимали меня как человека, отвечающего за деньги. Бесконечные письма, заявления от людей: «Мы работали на советскую власть на хорошей работе, получали хорошие деньги, потратить было не на что, накопили столько-то десятков тысяч, а теперь можно купить, а вы нам эти деньги из сберкасы не отдаёте».

Коллеги мои дорогие, ну о чём мы говорим-то? Все были прижаты к стенке. Да ещё бандиты ходили по Белому дому и говорили: «Смотри, вот сделаешь не так, до завтра не доживёшь». Не было выбора! И то, что произошло — это единственное, что могло произойти.

В. М. Полтерович

Можно вопрос Павлу задать? Павел, а если бы Вы отпустили цены не так, чтобы они выросли за один месяц в 3,5 раза, а за год — в 26 раз, и сказали бы, что цены повышаются, но сначала не более чем в 1,5 раза, а потом посмотрим, — Вы думаете было бы хуже?

П. А. Медведев

На что цены, на сайру в масле, которой уже не было после 68-го года?

А. Н. Привалов

Извините Бога ради, но это демагогия.

П. А. Медведев

Какая же демагогия? Я же рассказываю, как я хлеб нёс в Белый дом!

А. Н. Привалов

Правильно. А рядом был склад, на котором было много чего кроме хлеба.

Кто следующий? Юрий Александрович Петров — прошу Вас.

Ю. А. Петров, директор Института российской истории РАН

Коллеги, я не экономист, а историк. Сегодняшняя дискуссия мне напоминает жанр, который можно назвать «наука и жизнь». Есть большая наука, о которой мы сейчас говорим, тенденции, процессы. Есть сайра в банках, за которыми мы все бегали. Но на самом деле высокая экономическая наука в нашу повседневную жизнь проникает и на неё прямо воздействует. В прошлом году нашему институту была срезана государственная субсидия на 13%. Вот в этом году ещё на 7. На 20%, на пятую часть уменьшился пирожок. Попробуйте накормить им тех же людей, которые остались. Приходится и сокращаться, и расставаться. Так что макроэкономические дискуссии, конечно же, близко к сердцу приходятся.

Но я всё-таки выберу другой жанр — попробую рассуждения Олега Вячеславовича поставить в несколько более широкий исторический контекст. Меня, честно говоря, привлекла Ваша, может быть, основная идея о том, что государство было слабое сначала и рост был хороший, а по мере затвердения, так сказать, вертикали власти и рост уменьшился. И Вы полагаете, это один из главных факторов того, что мы сейчас переживаем.

Я хотел бы вспомнить (как говорится, в России-то ведь мало что нового) — такая модель, когда рабский труд соединяется с прогрессивными передовыми западными технологиями, была введена при абсолютно подавляющей роли государства, ещё Петром I. И эта модель просуществовала до середины XIX века, худо-бедно позволяя стране держаться на уровне великой державы: флот, армия содержались.

С отменой крепостного права стало ясно, что эта модель уже больше не может существовать. Начался как бы новый этап модернизации, где экономика начала

развиваться как смешанная. Начал расти частный сектор, который до этого был очень мал. Результат оказался впечатляющим: Россия к началу XX века действительно вошла в пятёрку промышленно развитых держав. Подчеркну — не только благодаря государству, которое скорее было бенефициаром экономического роста, чем его создателем. В современном же российском обществе часто полагают, что все развитие идёт от государства, только оно и может всё создать.

В России до 1917 года государство тоже играло очень важную роль и занимало большой сегмент экономической жизни. Примерно треть национального богатства производилось в государственном секторе. Но замечу, треть, а две трети — всё-таки в частном секторе, который представляли как отечественные предприниматели, так и иностранные. Со времени денежной реформы Витте конца XIX в. Российская империя была весьма привлекательна для иностранных инвесторов. Хотя не будем надевать розовые очки: у дореволюционной России было много своих проблем, которые, собственно, и привели к революциям, она не была страной обетованной, которую мы так несчастно потеряли.

Всё, что произошло в 1917 году, имело свои основания. Но в послереволюционный период произошёл некий возврат, реинкарнация, я бы сказал, петровской модели, которая обрела воплощение в сталинской системе. В ней, по существу, была воспроизведена та же триада: дармовой труд (колхозы и Гулаг) плюс технологии и статус великой державы.

Иногда приходится слышать, и сегодня прозвучал этот тезис: все 70 советских лет — дурной период. Давайте всё же смотреть на вещи исторично. История Советского Союза включает совершенно разные периоды. Сталинская система — это одно, а хрущёвская, не говоря о брежневской, — совсем иное. Там были попытки уйти от экономической гегемонии государства, хозяйственно крайне неэффективной, привить начала рыночного хозяйства (хозрасчёт). Попытки провести реформы были и при Косыгине, и при Мазурове. Почему не смогли — вот это вопрос. Насчёт идеологии, насчёт того, что советские лидеры были зашоренные люди, — это правда, они не могли пойти по пути Дэн Сяопина. Суслов, скажем, никогда не провёл бы никаких рыночных реформ и торпедировал соответствующие проекты реформ. Возможно, в этом и есть главная причина того, что Советский Союз рухнул в 91-м году.

Хотел бы ещё обратить внимание на проблему импортозамещения. Можно, конечно, над ней посмеиваться, зачем, мол, изобретать велосипед, но для России эта проблема подчас оказывалась жизненно важной. Напомню, в середине XIX века в стране начали строиться железные дороги. Крымская война показала, что без железных дорог невозможно даже удержать собственную территорию в случае внешней агрессии. Но как они строились? Первоначально в Россию ввозились не только паровозы и вагоны, но даже рельсы, отсюда английское слово «rails» перешло в русский язык.

Очевидно, что так, в полной зависимости от внешнего поставщика, строить дороги и эксплуатировать их нельзя. Была построена целая сеть паровозостроительных,

Ю. А. Петров

вагоностроительных заводов, производство рельсов наладили. Примерно за 20–25 лет ликвидировали отставание и импортозаместили весь подвижной состав. К концу XIX века Россия уже не покупала паровозы и вагоны, она производила их сама и экспортировала за границу.

Но в этом догоняющем типе развития, типе подражательном, всегда таится опасность: догнали по паровозам, но немцы в конце XIX в. придумали автомобиль — и нам пришлось опять догонять. То же самое происходило в советское время, догоняли успешно, перегоняли только на узких, хотя и стратегических, участках (атом, космос). Подражаем хорошо, догонять умеем, а вот перегонять — трудно. Самый, мне кажется, впечатляющий пример — это компьютер. У нас были свои ЭВМ, но мы проиграли информационную битву тем, кто персональный компьютер придумал, а мы не придумали.

И последнее — насчёт того, можно ли к истории применять сослагательное наклонение. Формула «история сложилась, как Бог ниспослал», или «она уже прошла, и не будем её трогать», — это формула понятная, но вовсе не избавляет нас от необходимости оценивать прошлое, анализировать и выносить собственные суждения на этот

счёт. В расчётах, которые провели Маркевич и Харрисон по 90-м годам (кстати, они провели подсчёты ВВП страны за большой очень период, начиная с Первой мировой войны), представлены очень интересные данные. Эти цифры дают возможность точнее сравнить разные эпохи в истории нашей страны с точки зрения макроэкономических процессов. Правда, у них есть свои «тараканы», были большие претензии и к методике расчётов этих учёных, и к точности цифр, но всё же это не отменяет, а напротив, актуализирует задачу историков сравнивать разные эпохи в истории России.

А если вы хотите узнать, как молодёжь относится к эпохе Ельцина, то я всем рекомендую посетить выставку в Манеже, которая открылась 4 ноября. Выставка называется «Моя история», её патронирует епископ Тихон Шевкунов. Институт российской истории участвовал в её подготовке как консультант. Там была определённая целевая установка: 90-е годы — это некий «трэш», ельцинский период едва ли не хуже, чем сталинский. Так ли это? Не думаю.

Время Ельцина мы все прекрасно помним. Там были свои и очень серьёзные положительные моменты, они общеизвестны, говорить об этом не буду. Жилось тяжело — это правда. Тогда те самые социальные группы, включая и учёных, о которых сегодня упоминалось, чтобы не деклассироваться, ездили на заработки как крестьяне-отходники. Но, правда, не как крестьяне — в город, а скорее за границу, в качестве стажёров и приглашённых профессоров. В ту самую за границу, по отношению к которой в современном обществе проявляется растущая ксенофобия. В те годы наши зарубежные коллеги помогли остаться в науке множеству российских учёных, которые получали возможность продолжить свои исследования в России. Эпоха была сложная, реформы, конечно, тяжёлые. Но, повторяю, с моей точки зрения, каждую эпоху, если она уже завершилась (а ельцинская завершилась, естественно), надо рассматривать в более широком контексте — тогда она будет понятнее. При сравнении с эпохами Петра и Сталина ельцинское десятилетие, я бы сказал, всё-таки несколько выигрывает.

А. Н. Привалов

Спасибо. Не могу не сказать, что эпоха реформ не завершилась, пока часть из активной команды реформаторов остаётся в правительстве.

Госпожа Устюжанина — прошу Вас.

Е. В. Устюжанина, *главный научный сотрудник ЦЭМИ РАН, заведующий кафедрой экономической теории РЭУ имени Г. В. Плеханова*

Я думаю, что сегодня каждый выступающий будет иметь свою собственную точку зрения. И я хотела бы поспорить с чрезвычайно уважаемым мною моим соседом [П. А. Медведевым]. Кроме всего прочего, Павел Алексеевич преподавал мне когда-то линейную алгебру и был лучшим моим преподавателем. Но тем не менее вот сейчас я хотела бы сказать, что я много раз слышала фразу: «Другого выхода не было».

Е. В. Устюжанина

Уважаемые коллеги, так говорят все плохие управленцы. Они описывают, в какой тяжёлой ситуации они оказались, а дальше объясняют, что выбор — это либо рубить голову, либо мыть волосы. Как будто других альтернатив в природе вообще не существует.

Теперь я хотела бы вернуться к основному докладу. Я считаю себя специалистом по институту собственности, и, в частности, изучала то, что происходило в 90-е годы в нашей стране. Так вот, я вынуждена категорически не согласиться с тем, что тогда у нас был создан институт частной собственности. Правда, Олег Вячеславович не произносил слова: «институт частной собственности», он говорил: «частная собственность на средства производства». Но, уважаемые коллеги, давайте мы просто чуть-чуть вспомним историю.

Сначала всем разрешили обогащаться. И вместо того чтобы начинать создавать свой бизнес, наиболее активная часть населения кинулась приобретать акции бывших государственных предприятий — так называемый первый передел. То есть сначала вся предпринимательская энергия была направлена на то, чтобы взять себе как можно больший кусок бывшего государственного имущества. Конечно, были

исключения, но в основном всё-таки так. Дальше, когда предприятия были приватизированы,— на что пошла предпринимательская энергия? На то, чтобы отбирать акции у миноритарных акционеров, потому что ведь очень много досталось работникам и каким-то сторонним людям. Не буду вам рассказывать, то, что описано в огромном количестве книг, какие методы использовались: и закрытые подписки, и многоступенчатые учреждения дочек, и много другое. Ведь нужно было этих самых миноритарных акционеров устранить. Устранили.

Следующий этап — отбирать друг у друга. Тут вовремя подоспел закон 98-го года о банкротстве. Между прочим, когда Примаков пришёл к власти, судам просто было дано указание: «Не принимать соответствующие иски к рассмотрению», — и некоторое время они действительно их не принимали. А потом Примаков ушёл и закон «заработал». И все мы знаем, что это был закон о переделе, а не закон о банкротстве. Опять друг у друга начали выхватывать куски. И здесь можно рассказать о технологии, но не за пять минут, которые у меня здесь есть.

Наконец, к началу 2000-х начали вроде бы приводить в порядок корпоративное законодательство — внесли изменения в закон об акционерных обществах, исключили закрытую подписку в пользу ограниченного круга лиц, насильственный выкуп акций при консолидации, ввели дробные акции, ввели достаточно много хороших поправок в закон о банкротстве. Стали готовить российскую экономику к тому, что придут иностранные инвесторы. Они почему-то, ну скажем так, не то чтобы не пришли, но их пришло гораздо меньше, чем рассчитывали. И опять, если мы посмотрим на тенденции изменения законодательства, начиная с 2006 года опять пошло, ну, честно говоря, издевательство над правами собственности, в частности миноритарных акционеров, которые сейчас, в настоящий момент, уже просто ни одну сделку, совершенную с нарушением законодательства, оспорить не могут.

Но, правда, в эти самые 2000-е годы действительно сложился некий альянс или баланс интересов власти и бизнеса. Да, баланс сложился, но извините, это такая пошлая фраза, но тем не менее он, этот баланс, был основан в том числе на высоких ценах на нефть и на возможности присвоения этой самой природной ренты. И поэтому все жили достаточно зажиточно, при этом не вкладывая деньги в развитие, встраиваясь в мировые цепочки создания стоимости на самые невыгодные позиции.

Сейчас есть такие исследования: 80% современной мировой торговли — это глобальные цепочки создания стоимости. Нет уже свободного рынка, где неизвестные продавцы выходят к неизвестным покупателям. Есть сложившиеся сети отношений. А как мы в них встраивались? Мы стали сокращать вложения в НИОКР. Мы стали покупать комплектующие и полуфабрикаты. Мы говорим, вот у нас растёт производство, допустим, свинины или птицы. Забывая, что племенной материал не наш, племенной материал в рыбоводстве тоже не наш. Мы говорим о том, какая замечательная вещь — у нас, оказывается, своё автомобилестроение развивается. Так это же, извините, просто локализация производства. Мы даже стали, извините, забраковывать свои

наработки. У нас было хорошее авиастроение, так мы стали в этот Суперджет привлекать 82 страны.

Произошло резкое изменение цен. Вспомним Дугласа Норта: когда меняются ценовые пропорции, изменяются балансы интересов, — должны меняться институты. Рано или поздно они изменятся. Боюсь, что не тем замечательным способом, который рисует нам Виктор Меерович.

А. Н. Привалов

Идеала никогда не получается. А насчёт цепочек не могу не процитировать. После того как произошёл Крым и начались санкции, я как раз встретился со своим старинным приятелем, который уже двадцать лет живёт в Америке. Он не занимается политикой, он только от меня услышал про санкции и страшно удивился, говорит: «Как? Любые санкции будут за наш счёт. Потому что хуже, чем вы сейчас стоите в международном обмене, вы стоять не можете. Значит, любыми санкциями мы обижаем только сами себя».

Прошу прощения. Ваше слово — прошу Вас, Семён Аркадьевич.

С. А. Экштут

Я продолжу отматывать историю от Петра Великого и хочу сказать следующее. Мы живём с вами, коллеги, в год 700-летия российского рубля. Слово «рубль» в нашем высоком собрании не прозвучало ни разу.

А. Н. Привалов

Как? Прозвучало.

С. А. Экштут

Хорошо, прошу прощения. Так вот, во времена Петра Великого из пуда меди — это называлось «стопой» — чеканили сначала 8 рублей полноценной медной монеты, к концу же царствования стали чеканить 40 рублей низкопробной медной монеты. Вот это пятикратное увеличение денежной массы или, соответственно, пятикратное падение ценности медного рубля и была цена петровских реформ. И в течение десятилетий в Российской империи находилась в обращении низкопробная петровская монета. Лишь только к концу царствования Елизаветы Петровны, когда «дщерь Петрова» скупила медную отцовскую монету, что называется, заплатила отцовские долги, и низкопробный петровский пятак приказала перечеканить в полноценную копейку, — лишь тогда финансы Империи обрели относительную стабильность.

К концу царствования Екатерины Великой среднестатистический россиянин покупал промышленных товаров на 17 копеек, а на каждого россиянина приходилось в среднем не более 5 рублей денег. Исходя из этих весьма скромных цифр, оцените, с чего мы начинали. Чтобы игру цифр продолжить, я скажу, что вот эта самая банка сайры, о которой шла речь в одном из выступлений, в тот момент, когда её покупали, она стоила 62

копейки, через пять лет (в начале 1970-х) она стала стоить один рубль. И даже после подорожания я на свою студенческую стипендию мог купить 30 банок этой сайры.

В 1990-е годы, двадцать пять лет назад, я не помню, мог ли я вообще её купить, и была ли сайра в продаже: полки магазинов были пусты. Я хочу сказать, что двадцать пять лет тому назад рубль был деревянный и не выполнял роль всеобщего эквивалента. Таким эквивалентом была водка. Потому что двадцать пять лет она была и мерой стоимости, она была и средством платежа, она была и всеобщим эквивалентом. Она была даже мировыми деньгами, потому что можно было расплатиться бутылкой хорошей водки за границу. И даже была средством накопления сокровищ. Потому что я хорошо помню, как я, человек абсолютно не пьющий водку, отоваривал эти водочные талончики и потом этой водкой расплачивался за любые услуги.

А. Н. Привалов

И заметьте, что курс этой валюты очень умело подняли — вот как раз талончиками.

С. А. Экштут

Да-да, конечно. И в принципе, чтобы оценить вот эти реформы — что мы приобрели и что потеряли за двадцать пять лет, — стоимость любых сопоставляемых товаров, как советовал историк Василий Осипович Ключевский, можно пересчитать в водке.

А в принципе, если говорить серьёзно, надо взять корзину из 60 продуктов и посмотреть, сколько мы могли купить этих продуктов тогда и сколько можем купить сейчас, — тогда это будет разговор серьёзный и обоснованный. Все остальное — эмоции.

Но я хочу сказать, что тем не менее, если сравнивать по результату, я не разделяю прозвучавшие в некоторых выступлениях пессимистические прогнозы, я не считаю, что российская экономика находится в стадии стагнации. Скорее, это стакан наполовину заполненный, он в стадии наполнения. Таково моё мнение, человека, который 15 лет занимался промышленной социологией. Это не мнение обывателя.

И я хочу сказать, что мы сейчас реально имеем. Мы имеем сейчас деньги, которые являются всеобщим эквивалентом: с помощью российского рубля можно измерить стоимость товаров и услуг, и в этом рубле, который сейчас у нас в кармане, можно эту стоимость зафиксировать. Идеология перестала влиять на экономику. Во всяком случае так, как она влияла 30 лет назад, 40 лет назад, — она не влияет.

Да, к сожалению, если говорить о культуре, мы не занимаемся поиском «большого стиля» в литературе и в изобразительном искусстве. Да, культура вовлечена в сферу коммерции. Это не пошло на пользу культуре. К сожалению, как ни печален сталинский период, но в эти трагические годы непрестанно шёл поиск «большого стиля» на государственном уровне. Сейчас этого нет. Но, понимаете, двадцать пять лет назад атомный крейсер «Пётр Великий» стоял у стенки завода, и было непонятно, когда его достроят, если достроят вообще. Авианесущий крейсер «Адмирал Кузнецов»

С. А. Экштут

назывался тогда, по-моему, «Тбилиси» или ещё как-то (он там пять имён сменил), и, в общем, тоже было непонятно, что с ним будет. Сейчас и тот и другой корабли находятся в Средиземном море. По крайней мере, армию и флот за истекшие двадцать пять лет мы реформировали.

Вот, пожалуй, всё.

А. Н. Привалов

Спасибо, Семён Аркадьевич.

Господин Прохватилов — прошу Вас.

В. В. Прохватилов

Я выскажу несколько тезисов по обсуждаемым темам. Во время ГКЧП мы с Павлом Алексеевичем Медведевым были в одном кабинете, он был помощником Ельцина, а я — аспирантом и помощником Хасбулатова.

План, весьма схожий с китайскими реформами, был. Весь июль и первую половину августа я провёл в приёмной Олега Дмитриевича Бакланова, своего министра,

общался с начальником отдела Николаем Михайловичем Хашиным, и они мне все говорили: «Погоди-погоди ты со своими научно-техническими делами, вот совещание проведём». Провели. Затем Валентин Павлов создавал структуру. Я, например, был членом оргкомитета медийного концерна «Деловой мир». И всё это потом провалилось, в общем-то, из-за нерешительности, безволия и, я думаю, деградации армии и спецслужб.

То, что план этот был, свидетельствует направление в австрийский Институт системных исследований известных людей, многие из которых здравствуют до сих пор: Глазьев, Авен, Чубайс, Александр Жуков и т.д.

По поводу Вашингтонского консенсуса. Если бы Китай, на мой взгляд, совсем не касался этого дела, то, возможно, и не было бы таких потрясений, как крах фондового рынка. Конечно, Си Цзиньпин дистанцировал такие сомнительные структуры, как JPMorgan, которые были бенефициарами. Всё это с помощью алгоритмического трейдинга, но тем не менее.

Я принимал участие в подготовке некоторых конференций, посвящённых военно-промышленному комплексу, которые проводились в новом здании Академии наук. Тогда, в основном в кулуарах, на фуршетах, говорили так: или нормальный частный бизнес, или Госплан; разве у нас сейчас есть нормальный частный бизнес? В конце концов выступил Руслан Гринберг и сказал (а это было самое начало нулевых годов): «Нужно индикативное планирование». Выскажу мнение, возможно спорное, что сейчас уже — только Госплан.

В Ульяновске строится станкозавод, немцы вот уже несколько лет строят. Купили чешские станки, германские станки в помощь «Уралвагонзаводу». Так это всего один современный станкозавод! Ну, будут выпускать там не 50 «Армат» в год, а 55. А по плану президента их нужна тысяча или две. Возможно, и не нужно. Но станкостроение у нас отсутствует. Неужели, Олег Вячеславович, Вы думаете, что можно восстановить эту отрасль исходя из этой вашингтонской парадигмы с помощью макроэкономического регулирования и привлечения каких-то мифических инвестиций?

По поводу «дна» — есть оно или нет. То, что дна в нынешней ситуации не будет, ясно уже из достаточно давно опубликованного доклада Андрея Белоусова о долгосрочных трендах в российской экономике, из которого следовало, что наш кризис — системный, он вовсе не связан с внешними обстоятельствами, но они его усугубляют.

Как политтехнолог, который, в общем-то, работал в разное время в разных местах, скажу, что «умеренный регресс в рамках законности» не вечен. И вверху это понимают. Этим вызвано и создание Росгвардии, и привлечение господина Кириенко на внутреннюю политику.

А. Н. Привалов

Спасибо. Господин Николаев — прошу Вас.

И. А. Николаев

Отталкиваясь от своего вопроса про устойчивость экономики. Да, ответ от Олега Вячеславовича мы слышали. Мне трудно согласиться, что, если мы пытаемся оценить «устойчивая — не устойчивая», надо судить по текущим экономическим показателям — состоянию платёжного баланса и пр. Глубоко убеждён, что устойчивость — это институты, о чём сегодня уже Виктор Меерович говорил. Вот по этому критерию и надо судить.

Что у нас с защитой прав собственности? Госпожа Устюжанина сказала, и трудно не согласиться: да, там проблемы. Трудно сказать, что этот институт у нас сильный. Что у нас с конкуренцией? То же самое. Судебная система — мы можем её назвать сильной, независимой? Нет. А если проанализировать все институты — все институты у нас слабые. И вот когда слабые институты, не может быть устойчивой экономики.

Да, текущие показатели могут быть достаточно неплохие, но при таких институтах, при внешнем шоке, при нарастании структурных проблем эти текущие показатели превратятся в противоположные, которые не будут такими хорошими.

Сегодня много вопросов по поводу того, что будет в США при новом президенте. А вы смотрите с точки зрения институциональной организации. Экономика сильная, насколько сильны институты. И поэтому, к сожалению, у нас экономика неустойчивая по такой причине: у нас несильные, неразвитые институты. А это значит, что над этим ещё придётся долго работать. Выращивание институтов — дело вообще кропотливое, сложное и непростое, надо сказать, и требует времени.

А. Н. Привалов

Спасибо. Но это как раз единственное, чего полно. Добрые шведы сложили великую поговорку: когда Господь создавал время, он создал его достаточно. Так что в этом смысле каких-то проблем возникнуть не должно. Господин Мясников — прошу Вас.

В. С. Мясников

Здесь прозвучали слова о чудесах экономики целого ряда стран — как они быстро развились. Ну, я думаю, что чудес на свете не бывает. Бывают правильная политика и успешная экономика, они взаимосвязаны. Все остальные могли только получать от них что-то. Китай, когда начал свои реформы, он получил 600 миллиардов долларов от китайской диаспоры, от тех китайцев-эмигрантов, которые живут в разных странах. В этом была существеннейшая поддержка, потому что займы Китай нигде получить не мог.

Но дальше вот я о чём хотел сказать. Американцы были очень озабочены тем, что Китай начал свои реформы, которые успешно идут. А вот по периферии Китая есть целый ряд стран — Южная Корея, Тайвань, Малайзия. (Японию я не буду называть.) Например, Южная Корея в 60-е годы экономически отставала от Северной. (Я бывал и там и там.) Надо что-то делать. Есть такое понятие «вброшенные технологии».

К концу XX века только пять государств могли давать фундаментальный научный продукт — это Соединённые Штаты, Великобритания, Франция, Германия и Советский Союз, или Россия.

США дали Корейской Республике всё, чтобы развивалась автомобильная промышленность, электроника и т.д., — корейцы быстро-быстро начали строить морские суда, корейские автомобили заработали на европейском рынке и т.д. Тайвань получил много технологий от Соединённых Штатов, Малайзия получила, Сингапур получил. Это результат вброшенных технологий, Штаты подняли эти страны. Кстати, японцы тоже очень много взяли от Соединённых Штатов. Но у японцев ещё такой принцип: взяв что-то, они должны обязательно это усовершенствовать и выдавать это уже как своё. Кстати, и мы в годы дружбы дали КНР огромное количество научных и технологических разработок, это был подарок, который невозможно оценить в денежном эквиваленте.

Мне думается, что когда мы рассматриваем не только нашу страну, но и какую-то прилегающую к нам часть Восточной Азии, мы должны понимать, как эти страны совершили то, что мы сегодня называем экономическим чудом. Это результат вброшенных технологий, это мощная помощь со стороны Соединённых Штатов — финансовая, технологическая и т.д. И они встали на ноги.

И в заключение. Я был в Сеуле на одной конференции, и в тот момент, когда я там находился, оттуда уезжал посол Тайваня, а въезжал посол КНР. За ланчем, на который пригласил меня главный редактор журнала «Дипломатия», я у него спрашиваю: «Что же у вас происходит? Вот ваш идеологический противник — коммунистический Китай въезжает, а ваш тайваньский друг уезжает?». Он на меня посмотрел с сожалением и сказал: «Вы никогда не поймёте ничего в наших отношениях. На этой комбинации Северная Корея получила миллиард долларов». Только развести руками!

А. Н. Привалов

Хорошо быть маленьким и умным.

Прошу — Дмитрий Николаевич Курочкин.

Д. Н. Курочкин, вице-президент ТПП Российской Федерации

Мне представляется симптоматичным, что у нас ни в обществе, ни в медийном пространстве глубоко не анализируют ни итоги реформ, 25-летие которых сейчас настало, ни предстоящий 100-летний юбилей 17-го года — будь то Февральская либо Октябрьская революции. И вот мы сегодня услышали: «ну, что было, то было, по-другому было нельзя».

Хорошо, не будем говорить о промежуточных этапах, но давайте посмотрим трезво на то, что мы в итоге получили в экономике. Сегодня уже говорилось, что мы имеем: экономика крайне неустойчивая и уязвимая для внешних шоков. Крайне неустойчивая, если вообще не самая неустойчивая валюта в мире на сегодняшний день,

Д. Н. Курочкин

которая, кстати, и не позволяет активно инвестировать из-за абсолютно непредсказуемого курса рубля. Резкая поляризация общества и резкая поляризация наших регионов, абсолютно неприличная для современных обществ и государств. И какой-то бесконечный переходный период, который затянулся на эти двадцать пять лет. Уже целое поколение выросло в рамках этого «переходного периода», которое, в общем-то, и не понимает, откуда и куда мы переходим.

Сегодня говорили, что молодёжь отрицательно воспринимает 90-е годы. Но давайте называть вещи своими именами — молодёжь хочет жить в той стране, которая ориентирована на развитие, в которой не потеряны ориентиры этого развития, у которой есть чётко и хорошо продуманная политика. Конечно, мы можем ударяться в воспоминания, у каждого из нас было много положительного за это время, если говорить об отдельных людях или отдельных компаниях. Но если мы говорим о стране в целом, то мы не можем даже близко сравнить потенциалы Советского Союза, Соединённых Штатов и Китая, например, в 1991 году и сегодня, в 2016-м. Если тогда мы давали четверть мирового промышленного производства, то сегодня мы колеблемся где-то в рамках статистической погрешности. Поэтому, повторяю, пока

мы не научимся всё-таки называть вещи своими именами, трудно двигаться вперёд. Если нет, то не следует и обольщаться насчёт перспектив.

Сегодня не раз говорили о Примакове, говорили и о том, что на рубеже веков был экономический рост. Да он не сам появился! Вспомните правительство Примакова, которое работало в течение всего девяти месяцев, но каких действительно феноменальных результатов удалось достичь с помощью хорошо продуманной политики в тех крайне сложных условиях. Много ли из этого мы используем сегодня? К сожалению, немного.

Мы сейчас как раз проводим «Примаковские чтения» и встречаемся со многими людьми, которые вместе с Евгением Максимовичем работали. Возьмите ту же промышленную политику: фактически он был первым, кто выдвинул эту политику в государственную концепцию ещё в 2004 году и тогда далеко не у всех находил понимания. Десять лет понадобилось для того, чтобы пробить закон о промышленной политике!

Сегодня упоминали об импортозамещении. Да оно необходимо хотя бы для того, чтобы остановить дальнейшую деградацию нашей промышленности! Журнал «Эксперт» совершенно справедливо писал, что мы «страна, которая ничего не производит». Ещё через пять–десять лет мы уже вообще настолько отстанем в технологическом развитии, что просто ничего не сможем понимать в современных технологиях. О каком там встраивании в производственные цепочки говорить! Да никто нас и не собирался туда встраивать: вспомните «Магну», вспомните историю с «Опелем».

Отсюда, естественно, возникает вопрос: а была ли эта социально-экономическая модель изначально ориентирована на развитие страны? Подчёркиваю — страны, не отдельных личностей, не отдельных отраслей. Это вопрос не праздный. И то, что сейчас на самом верху говорится о том, что существующая социально-экономическая модель давно себя изжила (как бы мы её ни называли, сырьевой или как-либо ещё), от неё пора отказываться. Кстати, как устарел тот же Вашингтонский консенсус, который в 70-е годы был разработан для совершенно других условий, и это понимают уже далеко не только у нас, это и в Америке, и в Европе давно осознали.

Не могу не сказать по поводу инвестиций. Почему-то мало связывают факт вступления в ВТО с резким снижением притока иностранных инвестиций и вообще инвестиций. Конечно, «после того» не значит «вследствие того», однако мне неоднократно приходилось слышать мнение зарубежных инвесторов как раз о том, что эти два явления напрямую связаны. В майских указах Путина, в экономической его части, была совершенно правильно поставлена задача: довести уровень инвестиций в основной капитал до 25%. Если бы это было сделано, мы бы жили в совершенно другой экономике. А вот почему этого не было сделано — это действительно большой вопрос. Потому что практические действия оказались совершенно иными, не теми, на которые, в общем-то, ориентировало руководство страны.

И последнее, самое главное. Опять, говоря об экономическом развитии, мы совершенно забываем о нравственной составляющей. А за это время произошла

и нравственная деградация общества, и технологическая, и техническая! Как угодно это назовите, но игнорировать это нельзя. Ведь такого, извините, воинствующего дилетантизма, который мы наблюдаем сегодня, у нас никогда не было. Спрос на профессионализм сейчас чрезвычайно высок.

И, конечно, ключевая проблема, о чём тоже сегодня говорилось,— это доверие. Доверие в этом треугольнике: власть — бизнес — население. Предлагаю каждому ответить на вопрос, всё ли у нас здесь в порядке, и насколько устойчива наша экономика, насколько она подпитывается доверием между властью, бизнесом и населением страны.

А. Н. Привалов

Спасибо. Олег Вячеславович, хотите отреагировать на услышанное?

О. В. Вьюгин

Да нет, пожалуй нет.

В. М. Полтерович

Можно одну реплику?

А. Н. Привалов

Прошу Вас.

В. М. Полтерович

Я очень критически отношусь к тому, что произошло с российской экономикой. Но всё-таки критика должна находиться в рамках фактов. А факты здесь разные, и в частности есть один такой ключевой факт: к 2012 году российский ВВП на душу населения по паритету покупательной способности составлял 49% от аналогичного показателя Соединённых Штатов. Никогда Россия на таком высоком уровне не была.

А. Н. Привалов

Спасибо, Виктор Меерович.

В соответствии с традицией я скажу короткое заключительное слово. Хотя я и в мыслях не держу подвести каким-то образом итоги дискуссии: она была абсолютно не итожимая. Но я попытаюсь в нескольких словах свести воедино две темы, которые были заявлены, из которых одна практически игнорирована.

Мы ведь собирались говорить и о нынешнем состоянии отечественной экономики, и об итогах четверти века реформ. Все, конечно, скатилось на обсуждение реформ, что надо было предвидеть. Ну, вот не предвидели, как сами реформаторы много чего не предвидели. Я сейчас попытаюсь назвать две, на мой взгляд, инвариантные черты нашего бесконечного реформирования, которые, на мой взгляд, в значительной степени и повинны в том, что результаты не такие, какие все бы мы хотели видеть.

Первая из них — абсолютная, свирепая зацикленность не обязательно на Вашингтонском консенсусе. По крайней мере, как мне, например, Чубайс говорил во время интервью не для записи: «Что Вы мне всё время рассказываете про Вашингтонский консенсус, про МВФ? Мы их используем, чтобы бороться с нашими мракобесами. Мы говорим, что, мол, это нам велит МВФ, а сами-то...». Зацикленность не на Вашингтонском консенсусе, а на макроэкономическом взгляде на жизнь.

Расскажу один маленький анекдот. Во время первого из кризисов нынешнего столетия какой-то из наших корреспондентов брал интервью у очень видной правительственной экономистки, сейчас она первый зампред Банка России. И в ходе вопросов ей показалось, что он слишком пристаёт к ней с подробностями. «Ну что вы меня спрашиваете о какой-то чуши? Мы же занимаемся макроэкономикой». Он её вежливо спрашивает: «Вот сейчас американцы, ваши коллеги, принимают план Полсона. Почему же они занимаются всякой чушью, а вы не занимаетесь?». Она ему говорит: «Ну что план Полсона? Полторы странички.». Он ей говорит: «Простите, это 1,5 тысячи страниц. Это и технологические коридоры. Это графики инвестиций в энергетику». Она на него посмотрела недоверчиво и спросила: «Вы меня разыгрываете?». Они совершенно искренне не понимали и не понимают, что макроэкономика — это некая, не очень важная часть, да пусть даже и очень важная, но кроме неё есть масса всего.

А почему, почему они позволяют себе в течение уже четверти века придерживаться таких странных воззрений? А потому что они с самого начала имели жёсткую политическую крышу, начиная с Бориса Николаевича Ельцина, который пока хотел, их прикрывал, когда не хотел, не прикрывал. И сейчас совершенно очевидно, что любое сколько-нибудь открытое обсуждение деятельности нашего уважаемого правительства приведёт к его немедленной отставке. А никакой отставки нет ровно потому, что нет открытого обсуждения. Политическую крышу им дают, и они могут совсем не заботиться о том, о чём день и ночь заботится всякое правительство современного мира — о политической поддержке своих действий.

Это же фантастика! Люди в течение двадцати пяти лет не думают о политическом значении, о социальном значении того, что они делают с экономикой, со страной!

Мне рассказывали, что в самые первые месяцы, собственно в гайдаровские месяцы реформы, наши добрые деятели-реформаторы частенько собирались и дискутировали очень горячо: вот как вовлечь главного бенефициара реформ, нарождающегося российского бизнесмена, как его вовлечь в политику, чтобы на него можно было опереться. И в ходе этих длинных и горячих дискуссий они каждый раз приходили к выводу, что ну никак. Ну вот никак он, скотина, не хочет дать политическую опору тем, кто на него работает. Между тем есть довольно простые ходы, которые они могли бы придумать сами, могли бы подслушать у кого-нибудь. Например, та же самая приватизация, о которой справедливо говорится как об одном из коренных деяний в ходе реформы. Начали бы не с большой приватизации, а с малой, тут же

получили бы политическую поддержку. Так нет, мы же сначала освободили цены, тем самым обнулили сбережения... Ну, это уже детали.

Так вот, возможность в течение двадцати пяти лет не думать о социальных и политических последствиях происходящего, отрицательно на мой взгляд, сказывается на уровне экономической политики, на уровне стратегического рассмотрения, да и на возможности совершенствования необходимых при данном уровне развития институтов тоже. Но поскольку, слава Богу, мы все ещё живы...

К тому же мы сегодня получили замечательный пример. Я согласен с Олегом Вячеславовичем: то, что произошло сегодня у «наших партнёров» за океаном,— это очень важно. Значит, мы до сих пор готовы обсуждать, хорошо ли плохо ли превалирование макроэкономических соображений над всеми остальными, хорошо ли плохо ли сугубо финансовое рассмотрение реальной экономики, хорошо ли плохо ли «Вашингтонский консенсус». А Америка уже выбрала Трампа. Америка уже сказала: вы с этими разговорами, ребята, уже всем вот так надоели. Это очень важный пример.

А любителям истории перескажу шутку, которая мне страшно нравится. Знаете, какое сегодня число? Сегодня 18 брюмера. Два с четвертью века назад в этот день закончилась Великая французская революция. Так может, сегодня начала кончаться Великая глобализация? А Бог его знает.

Спасибо!

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 83
Российская экономика: обособленность и устойчивость.
К 25-летию рыночных реформ

Редактор выпуска *Н. М. Румянцева*

Подписано в печать 5.12.2016.
Заказ 23427. Тираж 250